

КОНАН И ДАВ ТАКИСМАНА

Annotation

В книгу вошли повести Ника Орли:

- Раб талисмана
 - Королевское бремя
-

- [Ник Орли](#)
 - [Раб талисмана](#)
 - [Ник Орли](#)
 - [Королевское бремя](#)
-

Ник Орли

Раб талисмана

Конан быстро спускался по крутому горному склону, умело удерживаясь на ногах на особо опасных участках. День медленно клонился к вечеру, а сгущавшиеся на небе мрачные серые тучи грозили скоро пролиться совершенно ненужным дождем. Человеку, которого дождь застает вдалеке от жилья, не позавидуешь, но если в лесу еще можно найти какое-то укрытие, а после обсушиться у огня, то в горах это сделать гораздо труднее. Вода, текущая по горным склонам, собирается в бурные потоки, а потом разливается по окрестным низинам, так что сухое место может найтись разве что в какой-нибудь пещере.

Но пещер вокруг не было. Конан спустился в ущелье и начал готовить место для ночлега. Он выбрал участок не очень ровный, но на некотором возвышении, чтобы его не затопило, если дождь окажется достаточно сильным, натянул между ветками одинокого дерева свой дорожный плащ в виде наклонного полога, прокопал широким кинжалом канавки вокруг и закончил приготовления как раз вовремя. Дождь пошел крупными каплями, хлестнул несколько раз косыми порывами ветра, резко усилился и превратился в настоящий ливень. Воздух наполнился холодной сыростью, потекли вокруг мутные потоки воды. Плащ закрывал варвара от основной массы дождя, но вода постепенно просачивалась сквозь плотную ткань и тяжелыми каплями падала на него. Единственное благо — не бывает врагов, которые бродили бы под таким ливнем. Киммериец пристроился, чтобы промокать как можно меньше, и уснул.

Ему приснился странный сон, как будто он сидит в роскошном зале королевского дворца, продуваемого свирепыми сквозняками, на голове у него золотая корона, которая до боли сдавливает ему голову, он держит в руках странную карточку, холодеющую в руке. И оживший человек, изображенный на карточке, произносит громким раздраженным голосом: «Где ты там пропадаешь? Мы тебя ждем».

Он проснулся. Дико болела голова, дождь кончился, но куртка основательно промокла. Конан поднялся и начал делать согревающие движения. Ночное небо очистилось от туч, и крупные яркие звезды висели над головой. Согреться не удавалось. Конан сам удивился — тело не желало его слушаться. Никакая усталость и никакая болезнь не доводили его до такого состояния. Не было даже сил разозлиться.

И разверзлось ночное небо, открывая перед изумленным киммерийцем сияние невидимых сфер мироздания. И ударил из недоступной дали яркий золотой луч. И с легким шипением вонзился в сырую землю, оставив перед Конаном богиню, озаренную теплым светом и окруженную цветочным запахом жасмина. Голубое платье, шитое золотом и золотая головная повязка, украшенная самоцветами, меркли перед ее красотой. Она была прекрасна. Она была величественна. Перед ней хотелось упасть на колени. Но варвар удержался.

— Кто ты? — хрипло спросил он. — Прекрасная богиня или бред поврежденного рассудка? Или чудесное видение, созданное магией, чтобы обмануть мой взор?

— Поистине, странно, — сказала богиня, — что ты опасаешься фантомных видений в то время, когда у тебя на шее висит могущественный талисман, защищающий своего обладателя от любых магических воздействий.

Конан достал из-под куртки талисман — серебряную семилучевую звезду с прозрачным красным камнем в середине. Камень слегка светился, но не угрожающе, а мягко, рассеяно.

— Значит, я могу доверять своим глазам, — сказал Конан, — это радует. Мне бы не хотелось сомневаться, вижу ли я то, что есть на самом деле, или мне это только кажется. Но что привело тебя ко мне, прекрасная богиня?

— Меня зовут Гуань-Инь. А от тебя мне надо, чтобы ты вернул мне этот талисман.

— Мой талисман?

— Это не твой талисман, — сердито нахмурилась Гуань-Инь. — Это мой талисман. Он был взят на землю одним из моих прислужников и там похищен у него, а потом, переходя из рук в руки, попал к тебе. Он мне нужен, верни мне его. Конан сжал звезду в кулаке.

— Если богиня хочет забрать у смертного одну из немногих ценных вещей, которыми он обладает, то справедливо было бы дать мне возмещение за это.

— Что же ты хочешь? — удивилась Гуань-Инь.

— Мне пришлось недавно находиться рядом с местом, где противоборствовали могучие магические и даже божественные силы. Мне кажется, что я от этого заболел. Это так?

— Да, твое тело сильно поражено и проживет лишь несколько дней. Это имеет для тебя какое-то значение?

— Имеет, — Конан скрипнул зубами и продолжал: — Ты можешь излечить меня? За это я отдаю тебе талисман.

— Если бы ты отдал мне его без условий, ты мог бы надеяться на мое милосердие. Но ты захотел справедливости. Ты ее получишь.

Богиня протянула руку. Киммериец мгновение сомневался, потом протянул ей звезду. Не стоит испытывать терпение богини. А если уж боги будут обманывать смертных, то этим они поставят себя ниже людей.

Гуань-Инь взяла талисман за цепочку, сделала над ним очищающий жест рукой, и он мгновенно засверкал, как будто только что вычищенный полировочной пастой. Еще один жест — и они оба оказались охваченными стремительным золотым вихрем, который превратился в слепящий луч, мгновенно устремившийся в неведомую даль. Не успел Конан понять свои ощущения от этого полета, как они оказались в цветущем саду, ярко освещенном солнцем, и богиня удалилась, велев киммерийцу ждать ее возвращения. Тот присел на траву. Голова болела, и тело наливалось тяжестью, но живительный воздух, наполненный ароматами цветов и плодов, облегчал самочувствие. Цветов и плодов? Конан начал присматриваться и обнаружил, что и в самом деле в этом саду деревья и кусты в одно и то же время цвели и плодоносили. А в ровной траве не ползали жучки и паучки, в воздухе не летали мошки. Не бывает на земле таких садов...

Киммериец услышал за спиной тихое урчание и оглянулся. К нему медленно направлялся огромный тигр. Под лоснящейся шкурой плавно перекатывались могучие мускулы. Оскаленная пасть позволяла видеть отличный набор зубов, способных одним движением откусить человеку руку. Конан мгновенно вскочил на ноги и схватился за меч. Подняв меч над плечом, чтобы рубануть зверя без промедления, он оскалился в ответ на тигриный оскал и медленно отступал за дерево.

Тигр выпустил острые когти и стал готовиться к прыжку. Такого зверя не остановишь одним ударом, он даже со смертельной раной сможет расположовать свою жертву когтями. Конан готовился рубануть тигра в момент прыжка и тут же самому укрыться за деревом. Вышедший внезапно из-за кустов старичок в желтом халате спокойно подошел к зверю и хлопнул его ладонью по боку. Тигр оглянулся, от души зевнул, махнул длинным хвостом и пошел прочь.

— Ты его зачем дразнишь? — спросил старец Конан. — Ты кто такой?

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии.

— И за какие же заслуги тебя допустили в сад бессмертных?

Конан пожал плечами. Разговор стал казаться ему бессмысленным. Старичок смотрел на него, как на неразумного зверька, забравшегося в неподложенное место. А оправдываться — да с какой стати? Тут наконец вернулась Гуань-Инь, и старичок почтительно ей поклонился. Гуань-Инь принесла Конану большую чашу с выщербленным краем, наполненную до половины прозрачной ароматной жидкостью, и велела выпить ее содержимое. Киммериец пил прохладный напиток и чувствовал, как отступает головная боль и яснеет сознание, а тело покрывается холодным липким потом, очищаясь от болезни.

— Ну, вот ты и исцелен, — сказал богиня.

— Благодарю тебя, Гуань-Инь, — поклонился Конан. — Теперь я могу вернуться назад?

— А тебе не нравится сад бессмертных? — спросила богиня.

— Сад великолепен, — признал киммериец. — Вот только не для меня он. Я предпочитаю обычную жизнь.

— И ты прав. Как ни прекрасен этот сад, время, проведенное в нем, бесполезно. А получить новые силы души и заработать духовные заслуги можно только в земных мирах. Те испытания, которые ты выдерживаешь, делают тебя сильнее. Ты должен вернуться в свой мир, но помогать в этом я тебе не буду. Выбирайся сам.

И богиня, превратившись в золотой луч, мгновенно умчалась куда-то. Конан растерянно оглянулся. Старичок, прогнавший тигра, со счастливой улыбкой на лице сидел на траве, подогнув под себя ноги.

Киммериец развернулся и пошел прочь. В саду было нежарко, но он обливался густым вонючим потом. Хотелось умыться, но источников воды не было видно. Он срывал с деревьев плоды и ел их на ходу, но голод они уголяли плохо. Ему хотелось мяса. Любого. Побольше...

Шел он довольно долго, и сад уже начал надоедать ему своей монотонной красотой, но тут он вышел на полянку и в замешательстве остановился. На траве сидел все тот же старец. Полянка была явно та же самая, откуда он и пошел после расставания с богиней. Можно было, конечно, попытаться пойти в другую сторону, но Конан почувствовал, что результат будет такой же. Он медленно подошел к старцу и почтительно спросил:

— Как тебя зовут, уважаемый?

— Вайс-Равана, — ответил старец, устремляя на Конана взгляд маленьких черных глаз.

— Скажи мне, достопочтенный Вайс-Равана, как можно выбраться из сада бессмертных?

— Выход везде, где ты можешь его открыть.

— Но как это сделать?

— Научи меня летать, попросил маленькую птичку крокодил, — начал медленно рассказывать старец. — Это легко, ответила птичка. Надо только посильнее оттолкнуться ногами от земли и махать крыльями. Точно так же я могу сказать тебе — открой дверь и иди.

— А ты можешь открыть для меня дверь?

— Могу. Но зачем мне делать это?

— А я могу что-то сделать для тебя, чтобы ты исполнил мою просьбу?

— Можешь. Попрыгай вокруг меня на одной ноге, громко кукарекая.

— Зачем? — удивился киммериец.

— Затем, что мне хочется посмотреть на кукаре��ающего варвара, — спокойно объяснил Вайс-Равана.

Конан посидел, подумал, вздохнул и исполнил желание старца. «Если тот вздумает увильнуть после этого от выполнения обещания, то горько пожалеет об этом», — думал он.

— Да, жалкое зрелище, — покачал головой старец, когда Конан закончил свое представление. — Но если ты думаешь, что кидаться на противника с воинственным воплем, размахивая клинком, лучше, то ты ошибаешься.

Конан, тихо зверяя, уже начал протягивать руку к мечу, но тут Вайс-Равана сделал неуловимый жест рукой, и перед киммерийцем возникла полоска белого песка, в которую тихо плескали морские волны. Конан рванулся вперед и ощущил легкое дуновение теплого ветра на лице.

Сад за его спиной немедленно исчез без всякого следа, а перед ним раскинулась бескрайняя морская ширь. Конан огляделся, не увидев никаких людей вокруг, быстро разделся и вошел в теплую воду. Смыв с себя пот, он почувствовал большое облегчение, вышел на берег, посидел, чтобы обсохнуть, потом оделся и начал осматриваться внимательнее. Следов людей не было видно. Полоска песка, тянущаяся вдоль моря в обе стороны насколько хватало обзора, чуть дальше от кромки воды переходила в небольшую гряду, подмытую морскими волнами.

Конан поднялся на эту гряду и оказался на холмистой равнине. Здесь были следы людей. Даже слишком много. Пыльная дорога вела вдоль берега моря, а отпечатки на ней были всякие — босых ног, изредка перекрываемые следами сапог и лошадиных копыт. Следы были свежие и вели в одну сторону. Конан пошел в том же направлении и через некоторое время увидел людей, оставивших эти следы. Возле дороги был устроен привал. Десятка два солдат и до полусотни рабов в связках по десяти человек, соединенных в цепочку деревянными рогульками. Рабы были в основном чернокожие, одетые лишь в набедренные повязки. Воины были одеты в просторные черные одежды, вооружены копьями в рост человека. Киммериец намеревался спокойно пройти мимо них, но навстречу ему вышел человек в более богатой одежде и с саблей у пояса, следом за ним потянулись солдаты.

— Кто ты такой? — уверенным тоном человека, имеющего право задавать любые вопросы любому встречному, спросил Конана человек с саблей. По всему было видно, что это начальник. Говорил он по-стигийски, с незнакомым акцентом, но Конан его понял.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии.

— Мне ничего не говорит это имя, — нахмурился начальник. — Так что я повторяю вопрос — кто ты такой и что здесь делаешь?

Солдаты тем временем потихоньку обступали киммерийца, но он не мог ничего с этим поделать. Тем более что он не нарушил перед ними никаких законов и ожидал, что ему удастся договориться мирным путем.

— Я просто путник, — пожал плечами Конан, — и не ищу ничего другого, как дойти до города и купить там себе лошадь.

— Путник? — скривился начальник. — Что значит — путник? Если ты пришел с торговым караваном, то скажи, с кем ты ведешь дела. Если ты воин, скажи, кому ты служишь.

— Я служу только самому себе! — не выдержал непонятных придиорок киммериец, положив руку на рукоять своего меча.

— Вот так бы сразу и говорил — бродяга! Вор. Разбойник. Грабитель.

Широко улыбаясь, начальник сделал шаг назад, и тут же его солдаты набросились на Конана. Сзади на голову ему накинули крепкое полотнище и сразу обернули вокруг, чтобы он не смог его сорвать, Конан дернулся было в сторону, но кто-то цепко схватил его за ноги. Сильный толчок опрокинул киммерийца. Десятки рук вцепились в него, сорвали с пояса меч, выдернули кинжалы, заломили руки и стали вязать. Несколько ударов, которые киммериец успел нанести вслепую, его не спасали. Когда ты лежишь на земле, придавленный и ослепленный, а твою руку выворачивают двое не самых слабых солдат, долго сопротивляться не получается. Через несколько минут напряженной возни Конану крепко связали руки за спиной, после чего размотали ткань на голове.

Начальник с гнусной усмешкой разглядывал Конана.

— За что?! — сплюнув, спросил киммериец. — Я ничего не сделал!

— А что хорошего ты мог сделать? Что может сделать бродяга, живущий мечом? Если он не служит кому-то, то он может получить деньги только грабежом. Мне не нужны другие свидетельства тому, что ты вор и грабитель. Поэтому ты будешь работать на строительстве вверенной мне крепости. И принесешь несравненно больше пользы, чем болтаясь с мечом в поисках посильной цели для разбоя.

— Я не буду рабом! — выкрикнул Конан.

— Вот как? Поспорим? — прищурился начальник.

— Можешь меня убить, но я не буду рабом!

— Ты думаешь, что ты единственный бесстрашный человек в этом мире? Ты думаешь, что рабами становятся только трусы? Ты глубоко ошибаешься.

Он сел рядом с киммерийцем, велел солдатам расходиться и продолжал:

— Немногие ломаются от страха смерти. Гораздо больше не выдерживает боли. Ты не боишься боли? Напрасно. Ты просто не знаешь, насколько мы хорошо умеем пытать. Несколько дней пытки, и уже не боль, а лишь ожидание невыносимой боли ломает непокорного. Мы просто не можем позволить рабу самому делать этот выбор — жить или умереть. Ты не боишься боли и смерти? Тогда твоя смерть послужит наглядным примером другим рабам — как карается неповиновение. Я велю выколоть тебе глаза и кастрировать. Как бы ты ни сопротивлялся, ты не сможешь помешать моим людям это сделать. После этого мы бросим тебя здесь. Ну что? Позвать палача или ты будешь подчиняться?

Конан скрипнул зубами. Начальник не торопил, но терпеливо ждал ответа. Он умел заставлять людей повиноваться и знал, что никакого выбора у пленника нет. Киммериец напряг все мускулы, но веревка была прочна. Умереть не в бою, не в смертельной схватке, а под ножом ничтожного выродка было совершенно невыносимо.

— Я буду подчиняться, — выдавил из себя Конан. Он еще вырвется на свободу и сполна отплатит своим мучителям!

— Вот и хорошо. Жизнь прекрасна надеждой, а глупые поступки необратимы. Не расстраивайся слишком. На строительстве неплохо кормят, а если будешь вести себя достаточно благоразумно, то потом сможешь перейти в пограничную стражу.

— Разве можно брать в войско насильно? Такие воины разбегутся перед врагом!

— А им некуда будет бежать.

С окончанием привала Конана прицепили к неполной связке рабов и вместе со всеми погнали к городу. Начальник пограничной стражи Рамтон командовал здесь строительством крепости, которая должна была охранять Стигию от нападений с юга и не давать бежать на юг рабам из Стигии.

Строительство велось с большим размахом. Множество рабов на тяжелой работе, множество воинов для охраны, множество мастеров и торговцев. Конана вместе с большой группой молодых сильных рабов погнали в каменоломню. Ожидая удобного случая для побега, киммериец все больше убеждался в том, что такого случая может не представиться вообще. Для кормежки и ночлега рабам развязывали руки, но перед этим попарно связывали ноги, а бдительная охрана не спускала с них глаз. Развязали их совсем только в каменоломне, крутые стены которой служили надежной оградой, а единственная дорога, ведущая наверх, охранялась сотней воинов.

Несколько дней Конан работал в каменоломне. Тяжелыми кувалдами загоняли клинья в трещины в камне, отламывали большие глыбы, обтесывали их по заданным размерам и тащили наверх, для отправки на строительство крепости.

Для киммерийца работа была не столь тяжела, сколь унизительно было сознание того, что его схватили как ничтожного бродягу, неспособного защитить себя от произвола, сделали рабом, и он должен подчиняться жалким людышкам, с каждым из которых в отдельности он справился бы в один момент. Голыми руками...

Кормили рабов неплохо, но работать заставляли без пропахи. Конан все больше тяготился тем, что эта работа никак не приближает момент его освобождения. В один из дней он работал на скале, забивая клинья. Израсходовав взятую связку клиньев, он присел на крошечной площадке и посмотрел в даль. Над краем каменоломни мирно голубело южное небо в белых пятнах плывущих облаков. И не было в мире ничего такого, что заставляло бы человека тиранить своих близких. Краем сознания Конан улавливал, что внизу озверело орет и ругается надсмотрщик, что медленно затихает кипящая в каменоломне работа, что спешат уже на помощь надсмотрщикам стражники с верхней заставы, но все это было настолько далеким и бессмысленным, что не проникало сквозь возникшее у него ощущение свободы от окружающего мира. Так что когда перед ним вместо обрыва опостылевшей каменоломни возникла зеленая лужайка с цветущими кустами и деревьями, осыпанными спелыми плодами, киммериец решительно шагнул вперед. И оказался перед Вайс-Раваной. Стигийская каменоломня исчезла, как дурной сон, только вот вместо привычного меча в руке Конана была раздолбанная кувалда.

— Ты что же, все это время сидел здесь? — удивился Конан.

— День в небесных сферах — это год на земле, — спокойно пояснил Вайс-Равана.

— Понятно. А скажи, это ты открыл мне путь обратно в небесные сферы? Или у меня это получилось без твоей помощи?

— Путь открыл я, — ответил старец, — но ты идешь верным путем. Я открыл тебе путь в ответ на твой зов.

— Зов? — удивился Конан, — Но я не произносил ни звука!

— А кому нужны твои звуки? Я слышу зов души.

Киммериец призадумался.

— Понятно. А скажи мне, достопочтенный Вайс-Равана, ты специально отправил меня в стигийское рабство?

— Куда?

— Твоим путем я попал на побережье Стигии, меня там схватили как бродягу и заставили работать в каменоломне.

Старец задумался.

— Нет, — наконец сказал он, — я не устраивал твою судьбу. Ты хотел вымыться — и я

открыл тебе путь на морское побережье. Если это оказалось побережье Стигии, то вполне случайно. Не к ледяному же морю тебя было посыпать. Но я чувствую, что время, проведенное тобой в Стигии, не было бесполезным для твоей души. Ты кое-что понял.

— А можно ли вернуть меня туда, откуда меня взяла Гуань-Инь? Я бы уж сам дальше добрался до нужного мне места.

— А я откуда знаю? — удивился Вайс-Равана. — Откуда тебя взяли в небесный сад? Да и нет мне больше никакого желания тобой заниматься. Сам выбирайся.

— Ах, сам?! — рассердился Конан. Он резко развернулся и быстро пошел через сад. Не может быть, чтобы во всем саду бессмертных был толь ко один этот нудный старикашка. Все равно найдется кто-то еще, кто сможет помочь киммерийцу вернуться на землю. По дороге Конан выплескивал свою злость, обрушивая сокрушительные удары кувалды на стволы деревьев. Толстые стволы содрогались и осыпали гневного киммерийца свежими плодами, тонкие деревья ломались, оставляя размочаленные пеньки. Попадись сейчас на дороге тигр или любой другой зверь — ему было бы суждено умереть от руки Конана. Но навстречу ему вышли не дикие звери и не рассерженные боги. Два юных прислужника в новеньких цветных халатах и красных туфлях окликнули буйного гостя:

— Ты чего здесь устраиваешь беспорядки, безумный?

У одного из юнцов в руках была прозрачная чаша для сбора плодов, у другого длинная колотушка для сбивания плодов с деревьев.

— Ах вы, мелкие прихвостни! — зарычал Конан, бросаясь на них и грозно размахивая кувалдой. Он хотел не убить, а испугать дерзкую прислугу, чтобы по их следам найти выход из сада. Но этим намерениям не суждено было сбыться. Юнцы расступились перед ним и внезапно выросли в размерах, превратившись в настоящих гигантов.

Огромная колотушка выбила кувалду из рук изумленного киммерийца, а прозрачная чаша накрыла его, как пойманного зверька. Некоторое время прислужники забавлялись, строя дурацкие гримасы и постукивая по чаше. От этих постукиваний чаша гудела, как гигантский колокол, и тщетно Конан зажимал уши, чтобы избавиться от невыносимого звучания — вибрация сотрясала все его тело. Наконец чаша над ним исчезла — прислужникам надоела эта игра, и они сели рядом с лежащим на траве киммерийцем.

— Ну что, смертный, испугался? — радостно спросил один из них. — Ну так вникни, здесь ничего твоя сила не стоит. Любой из бессмертных разотрет тебя в порошок одним движением.

— Понял, — вздохнул Конан. — Век бы мне вашего сада не видеть. Может, подскажете, как из него выбраться?

— Ты хочешь выбраться отсюда на землю? — безмерно удивился юнец с колотушкой. — А тебе разрешен выход?

— Что значит — разрешен? — спросил Конан.

— Гуань-Инь сказала, чтобы я сам нашел выход.

— А! Значит, искать тебя не будут? Это здорово. Слушай, брат, — обратился юнец с колотушкой к своему напарнику с чашей, — давай махнем на землю? Поживем там в свое удовольствие, пока нас не начнут искать.

— А как?

— Очень просто. Ловим призыв какого-нибудь мага, и по его каналу сходим на землю. А этот смертный нам поможет разделаться с магом, чтобы освободиться от его власти на земле. Что скажешь?

— Здорово! Наши талисманы дадут нам на земле великое могущество, и мы сможем весело провести время! Ну что, смертный, согласен отправиться с нами на землю?

— Согласен, — кивнул Конан. Он не совсем понял, о чем говорят эти бессмертные, но ему было все равно, лишь бы вернуться в привычный мир.

Юнцы принялись приплясывать вокруг киммерийца, напевая непонятные ритмические гимны, потом вокруг них стала возникать темная пелена, и все трое быстро стали уноситься в беспросветную воронку. Конан подумал, что это немного похоже на золотой луч богини, но только темный и более медленный. Приземление оказалось жестким. Киммериец получил сильнейший толчок в зад и тут же врезался в какого-то человека, сбив его с ног. Вокруг был полумрак, особенно мрачный после яркого солнца сада бессмертных.

— Сломай пентаграмму, смертный! — раздался вопль двух глоток за его спиной. Его спутники раскорячились посреди железной пентаграммы, где им невозможно было нормально стоять и некуда упасть. Вокруг смыкались мрачные стены магической лаборатории, а маг, придавленный киммерийцем, что-то невнятно сипел, пытаясь восстановить перебитое дыхание.

Конан взялся руками за звенья пентаграммы и разомкнул ее. Юнцы вывалились из нее и бросились к поверженному волшебнику. Они схватили его, вывернули руки так, что захрустели кости, ладонь одного плотно запечатала магу рот, чтобы он не смог произнести заклинания, а другой тут же вцепился зубами в горло жертвы. Он пил живую кровь, и распухающие плечи рвали тонкую ткань его халата. Если в небесном саду они увеличивались в размерах, сохраняя свой прежний облик, то сейчас юнец превращался в могучего оборотня.

Конан быстро высматривал себе подходящее оружие. Стаяясь не привлекать к себе внимание, он медленно двигался вдоль стены к выходу. Помимо магических приспособлений в лаборатории было и оружие. Конан мимолетным движением подхватил со стола кинжал, потом увидел в стороне меч в ножнах и шагнул к нему. Тем временем обитатель небесного сада, напившись крови, превратился в монстра с буграми неимоверно раздувшихся мускулов, торчащими наружу клыками и парой крутых серебряных рогов.

Он протянул повыше тело мага напарнику. Тот выбросил вперед ладонь, пробил грудную клетку безвольной жертвы и вырвал дымящееся сердце. Он сунул сердце в свою широкую пасть и, мерзко чавкая, тоже стал превращаться в монстра. У него были рога золотого цвета и несколько иные пропорции, чем у брата, но оба они были чудовищны.

Киммериец уже схватил меч и скользнул в открытую дверь. Он бежал по лестнице, слыша позади удовлетворенный рев монстров и их сводящий с ума смех. Попавшемуся на пути к выходу человеку Конан крикнул:

— Беги, спасайся!

Не останавливаясь для подробных объяснений, он оттолкнул его с дороги, выбежал на нижний ярус башни, сорвал засов, метнулся в конюшню, схватил в охапку седло со сбруей, вытолкнул к выходу испуганную лошадь, вскочил на другую и поскакал прочь. Отъехав от башни, Конан остановился и оседлал лошадь. Приманив вторую, надел на нее уздечку и теперь, не торопясь, поехал дальше. Он не знал, где находится и куда он едет, но лошадь, не направляемая всадником, идет по знакомой дороге и сама выбирает, куда ставить ногу.

Конан рассчитывал, что назад к башне лошади не повернут — их чутье на опасность не обманешь. Это люди вечно попадают в ловушки для дураков. Обольщаясь безмерной выгодой, устремляясь к мимолетной славе, удовлетворяя свои ничтожные желания в ущерб тому, что им необходимо на самом деле. Люди постоянно обманывают себя и других, совершая такие

поступки, которые никак не могут привести к намеченной цели. И при этом люди не делают никаких выводов из своих ошибок!

Киммериец дремал в седле, а когда начало светать, лошади вышли к одинокой хижине на берегу ручья, текущего с ближайших гор. Солнце вставало над горами и несло в этот мир тепло и свет, надежду и радость. Всем, но не Конану. Пусть не знал он, что творит, но это он своими руками впустил в мир кровожадных оборотней. Пусть они даже не проявляли агрессивности к нему, справедливо считая его своим пособником, но оставаться с ними и пользоваться их властью, чтобы самому получить богатую добычу?! Нет, это было неприемлемо. Варвар привык добывать золото мечом, но никакое золото в мире не сделает его прислужником злобных монстров. Он должен исправить свою ошибку и избавить мир от оборотней. Но как?

Конан остановил лошадь возле ограды из жердей, окружавшей небольшой огород возле хижины, спрыгнул на землю и приветствовал старика, вышедшего встретить неожиданного гостя.

— Кто ты? — спросил старик.
— Мое имя Конан. Конан из Киммерии. А как твое имя?
— Меня зовут Лао-Бай. И куда же ты едешь, Конан из Киммерии?
— Не знаю.
— Тогда чего же ты ищешь?
— Неподалеку от твоей хижины жил один маг, — начал Конан.
— Жил? С ним что-то случилось?
— Да. Его башню сегодня ночью захватили чудовищные оборотни. Мага больше нет. Я хотел предупредить, что дорога мимо башни теперь будет крайне опасна.

— Я хорошо знал мага, — помолчав, сказал старик. — Не то, чтобы он был со мной дружен, он слишком был увлечен своей магией. Но его гибель, а тем более появление оборотней касается не только меня, но и всей округи. Оборотнями придется заниматься всерьез, пока они не набрали себе помощников из числа неприкаянных духов. Как бы они ни были сильны, их можно одолеть, собрав большой отряд охотников, а вот когда их будут защищать многочисленные помощники, то взять их будет гораздо сложнее. Но как получилось, что у тебя я вижу меч и кинжал, принадлежавшие магу?

— Я был с ними, когда они убили мага и стали превращаться в монстров, — признал Конан. — Но я не понял, ты намереваешься собирать людей для похода на оборотней? Я полагал, ты просто предупредишь окрестных жителей, а уж они будут решать — звать ли на помощь воинов, или нанимать колдунов, или просто обходить этот район стороной.

— Ну, как же, — рассмеялся Лао-Бай. — Они решат! Одни впадут в панику, другие станут посыпать гонцов за войсками в уездный город, третий храбро собирается идти на оборотней, но разбегутся при малейшей опасности. Еще чего! Люди готовы идти за вождем, который покажет им четкую цель и не позволит уклоняться в сторону. А сами они способны только на беспорядочную возню и неразбериху. Ты что, не знаешь людей? Ты один лучше бы справился с оборотнями, чем сотня наших воинов. Ты выглядишь сильным и опытным бойцом. Ты пробовал сражаться с оборотнями?

Конан передернулся от воспоминания о хрупких юнцах в небесном саду, превратившихся в настоящих гигантов и накрывших его чашей для сбора плодов. Он рассказал старцу о том, как получилось, что он стал невольным пособником оборотней.

— Жаль, что ты упустил момент, — сказал Лао-Бай. — Это в саду бессмертных его

обитатели могут менять свой облик и размеры в невероятных пределах. На земле они гораздо более связаны телом, в которое воплотились. Если они и казались неимоверно сильными, то на самом деле сила их была еще невелика. Но чем больше времени они проведут на земле, тем сильнее будут их материальные тела. О духовных заслугах здесь речь не идет, они не родились на земле в этот раз и не могут повысить свой духовных уровень, они беглецы и паразиты, которые будут творить зло просто для удовольствия.

— Лао-Бай, — удивленно спросил Конан, — откуда тебе известны такие подробности об обитателях сада бессмертных? Или ты сам один из них?

— У меня были хорошие учителя, — скромно ответил старец. — Я странствовал по Кхитаю и Вендии, учился у великих мастеров. Да и потом, кто хочет достичь цели, тот своего добьется. Мир един и небесные сферы вовсе не закрыты нагло от взоров просветленных. Все в мире давно известно, только рассеяны эти знания, потому что мало кто из людей готов посвятить себя поиску истины. Да ведь и все обитатели сада бессмертных откуда взялись? Только с земли.

— Так что же мы будем делать с оборотнями?

— Конан вернулся старца к главному вопросу. — Их можно сейчас взять мечом и стрелой?

— Можно. Только они не выйдут сражаться против большого отряда, пока не наберут достаточно сил. А в укрепленной башне они просто перебьют нападающих одного за другим. Они хоть и не могли еще войти в полную силу, но все же будут посильнее любого из людей.

Старец смерил могучую фигуру Конана оценивающим взглядом и добавил:

— Возможно, ты еще мог бы справиться с ними один на один. Но вдвоем они тебя несомненно одолеют.

— Как же быть?

— Надо выманить их из башни и навести на засаду стрелков.

Лао-Бай пригласил Конана отдохнуть в хижине, а сам послал двух своих учеников в ближайшие селения собирать стрелков. Старик пользовался уважением в округе, а ученикам было велено не запугивать людей рассказами о силе оборотней, так что за день собралось до полусотни крепких мужчин с луками и длинными копьями. Лучники устроили возле хижины Лао-Бая стрельбу на меткость, чтобы похвалиться друг перед другом своим мастерством и восстановить стрелковые навыки. Стреляли они, на взгляд киммерийца, довольно плохо, и луки у них были весьма слабые, но Конан утешал себя мыслью о том, что залп из засады будет все же достаточно силен, чтобы свалить оборотня. Воины они были никакие, и с большим трудом удалось объяснить им необходимость не ругаться в походе, молчать в засаде и не стрелять без команды.

Утром следующего дня они выступили к башне мага. Стрелки и копейщики, которые должны были добивать подстреленных оборотней, спрятались в кустах вокруг башни, а киммериец подошел к воротам и стал рубить их заранее приготовленной секирой. Он вырубил половину створки ворот, когда разбуженные шумом оборотни вышли из башни. Конан быстро отошел на десяток шагов назад. Золоторогий и Серебрянорогий вывалились из башни и заорали, перебивая друг друга:

— Кто тут ломится в ворота? Кому жизнь надоела? А, это ты, смертный! Чего надо?! Пришел за своей долей добычи? Ну, так заходи!

— Мне не нужна добыча, — громко ответил Конан. — Я хочу, чтобы вы покинули землю и вернулись в сад бессмертных. Иначе я убью вас.

— Ах, так?! Ну, тогда готовься умереть!

Оборотни метнулись в башню и быстро вернулись, вооружившись все той же колотушкой и чашей. Золоторогий с колотушкой в руках набросился на киммерийца, стремительно нанося удары со всех сторон. Конан отступал, уклоняясь и пытаясь перерубить древко колотушки, но его меч лишь бессильно звенел и отскакивал от древка. А оборотень наносил удары обоими концами, вращая тяжелой колотушкой как легким шестом.

Серебрянорогий попытался зайти сбоку, но Конан ушел в сторону, и оборотень не смог на него напасть, чтобы не попасть под удары своего напарника. Золоторогий обрушил на киммерийца новый вихрь ударов и вдруг достал Конана быстрым тычковым выпадом. У варвара перехватило дыхание, и он полетел на землю, А оборотень уже замахнулся, чтобы добить его, но в этот момент воздух наполнился гудением — из засады ударил залп стрел и выскоцила группа копейщиков.

Но Серебрянорогий защитил брата. Он бросился вперед с чашей, обращенной к засаде, и все стрелы с чистым звоном ушли в чашу исыпались на землю грудой бесполезного хлама. Подбегающие копейщики не дали возможности оборотням добить киммерийца, но не решились преследовать могучих противников, а Золоторогий и Серебрянорогий отступили в башню, приняв волшебной чашей еще два неуверенных залпа выпущенных в них стрел.

Штурмовать башню желающих не нашлось, и воинство отправилось по домам, громко обсуждая произошедшую битву. Конан вместе с Лао-Баем вернулись в хижину.

— Ну, и что же мы будем делать? — спросил Конан, — Магическая чаша оборотней будет улавливать, видимо, не только стрелы? Может, нам поискать мага, который сможет справиться с оборотнями?

— Оборотни весьма устойчивы к магии, — грустно ответил Лао-Бай. — К тому же это ведь воплощенные бессмертные. Видимо, я сделал ошибку. Надо было сразу вызывать кого-нибудь из высших духов небесных сфер, чтобы они забрали своих прислужников обратно.

— Ты можешь это сделать?

— Сделать можно все, что угодно. Но не такое простое дело — донести свой зов до обитателей небесных сфер.

— Ну да, — сказал Конан, — мне говорили, что год на земле равен дню на небесах.

— Вот, вот. Поэтому все краткосрочные явления, происходящие на земле, не воспринимаются на небе. Или вызывать должен исполин духа, который после смерти попадет в небесные сферы, или следует проводить довольно длительный обряд. Следует очистить свое тело постом, чтобы желания тела не мешали свободному полету духа. Следует отрешиться от земных забот, чтобы установить контакт с духом высокого уровня. В самом простом случае такзывают, например, дождь при длительной засухе. Но нам надо вызывать не духов стихий, отвечающих за дождь, нам нужен кто-то из могущественных повелителей небесных сфер, который будет обладать властью над оборотнями. Так, киммериец, ты говорил, что в небесных сферах беседовал с богиней Гуань-Инь и небесным полководцем Вайс-Раваной? Тогда ты сможешь мне помочь. Я подготовлю обряд, и завтра мы будем медитировать, обращаясь к этим великим покровителям мира. Может быть, они услышат тебя быстрее, раз уж они принимали непосредственное участие в твоей судьбе.

До конца дня Лао-Бай готовился к ритуалу. Они с Конаном вымылись и выстирали одежду, старец возжег ароматические лампадки вокруг своей хижины, поил киммерийца травяными настоями и настраивал его на медитацию.

— Ты сильный, — размеренно говорил он киммерийцу, — но настоящая сила не нуждается в подтверждении. Если ты живешь рядом с глупцами, то совершенно не

обязательно доказывать свою силу, вышибая остатки мозгов у каждого глупца, встретившегося тебе на пути. Истинно сильный человек не провоцирует окружающих его дураков, показывая им свое презрение. Он просто идет мимо, не оскорбляя их не задевая их. В большинстве случаев этого достаточно.

— Но иногда они сами ищут драки, — возразил Конан.

— И ты наносишь удар, делая столкновение необратимым? Зачем? Этим ты проявляешь свой страх. Ты боишься, как бы они не подумали, что ты недостаточно силен, чтобы ответить на вызов. Это бесстрашие молодости, для которой смерть далеко, в необозримом будущем. И они не знают, что все мы живем одном мире — смерть человека рядом с тобой рикошетом бьет и по тебе. В зрелом возрасте люди начинают понимать, как это больно и страшно — умирать. И убивать. Насилие ломает душу убийцы. Он теряет способность ощущать тонкие движения души, душа убитого уносит частицу его собственной души. И только когда человек испытает этот страх смерти, но сможет сломать его в душе своей, тогда он получает путь к бессмертию души. Ни потеря имущества, ни боль смертного тела, ни смерть близких не заставят его бояться. И он может делать то, что должно, без страха и сомнений. И он может слышать голоса с небесных сфер. И для него нет преград.

— Меня после смерти встретит Кром, — твердо сказал Конан. — Бог воинов.

— Каждого после смерти встретит тот бог, в которого он верит, — не стал спорить старец. — Но кто-то возрождается для новой жизни, кто-то отдает свою душу своему божеству, а кто-то достигает таких вершин духовного роста, что занимает место в небесных сферах рядом с богами. Такие люди редко встречаются на земле. И их заведомо не найти в городах. Там люди слишком привязаны к вещам и слишком часто сталкиваются друг с другом. Нет возможности быть одному, размышлять и слушать голоса небесных сфер.

И была ночь, согретая негасимым пламенем ароматических светильников. И было утро с яркой полоской восхода. И был путь по росистой траве к вершине горы. И был безбрежный купол небес над поляной, где Конан и Лао-Бай предавались медитации. И ударил с небес золотой луч, и предстала перед ними прекрасная богиня Гуань-Инь.

— Я вижу, ты нашел выход из сада бессмертных? — с улыбкой спросила богиня Конана.

— Не совсем так, — несколько смущился киммериец, — я встретил в небесном саду двух прислужников с колотушкой и чашей для сбора плодов. Они помогли мне перенестись на землю, но сами превратились в кровожадных оборотней и мы не можем с ними справиться.

— Понятно, — сказала богиня. — Значит, ты нашел не выход, а лазейку? Ужели прямая дорога тебе недоступна? А что касается сбежавших прислужников, то в небесных сферах прошло совсем немного времени, и их исчезновение просто не успели заметить. Так где они сейчас находятся?

— В часе ходьбы на восток от этой горы, — объяснил Лао-Бай. — Они засели в башне мага.

— Значит, надо будет выманить их наружу. Тогда я смогу вернуть им первоначальный облик и забрать обратно в сад бессмертных.

Богиня сделала плавный жест рукой, и рядом с ней появилось три белых облачка, похожих большие охапки мягкого пуха. Богиня села на облако и поднялась над землей.

— Садитесь, — сказала она.

Лао-Бай не совсем ловко, но довольно уверенно сел на второе облако и тоже воспарил над землей. Конан с большим недоверием подошел к третьему облаку, напрягся, чтобы не упасть, если облако его не выдержит, и сел на пушистую белую массу. Под ним была как

будто мягкая сетка. Облако выдержало его вес, но не поднялось над землей, а безобразно провисло, выпирая краями и расплющившись посередине на траве.

— Расслабься, Конан, — с улыбкой посоветовал Лао-Бай.

— Ага, сейчас, — пробормотал киммериец.

Его ноги были уже задраны выше головы, и он прилагал отчаянные усилия, чтобы поудобнее устроиться на облаке, ворочаясь при этом как медведь. Гуань-Инь начала помогать ему.

— Смотри на меня, — сказала она повелительным тоном.

Конан отвлекся от борьбы с непослушным облаком, взглянул на богиню и почувствовал, что под руками появились твердые выступы, за которые он немедленно ухватился, чтобы зафиксировать свое положение. Облако медленно восстановило форму и поднялось в воздух. По воле богини три облачка быстро полетели на восток. Полет прошел быстро и мог бы доставить Конану большее удовольствие, если бы он не был так сосредоточен на удержании равновесия на быстро летящем облаке.

Они приземлились неподалеку от башни и киммериец с облегчением сошел на твердую землю. Гуань-Инь послала Конана и Лао-Бая выманивать оборотней из башни, а сама укрылась за ближайшим кустарником.

Конан подошел к воротам башни, не починенным со вчерашнего дня, и начал пинать створку с торчащими свежими щепами от ударов его секиры. Ворота открывались наружу, так что выбить их было невозможно, но шум от ударов был изрядный. Вскоре оборотни вышли разбираться с дерзким посетителем.

— А, это опять ты?! Пришел получить недополученное вчера? И подмогу привел — полудохлого старца! Сам будешь биться или его пошлешь в бой?

Конан ответил стремительным ударом меча, но Серебрянорогий подставил под удар волшебную чашу, и клинок с визгом крутанулся по краю чаши, а Золоторогий немедленно попытался прибить киммерийца своей колотушкой. Конан отбежал на несколько шагов назад, остановился и грозно взмахнул мечом:

— А в честном бою, без волшебного оружия, вы боитесь со мной не справиться? — крикнул он.

— А может быть, ты хочешь, — ухмыльнулся Золоторогий, — чтобы мы для совсем уж честно го боя себе ноги связали? Или глаза закрыли? Я сожру твое сердце!

И оборотень бросился на Конана. Но Серебрянорогого слова киммерийца все же узвили, и он, положив чашу за порог башни, отправился биться голыми руками.

Конан уже вовсю рубился с Золоторогим, пытаясь достать его своим клинком, но оборотень отбивал все удары киммерийца, и нельзя было сказать, кто из них сильнее.

Лао-Бай напал на Серебрянорогого, и они сошлись в рукопашной схватке, изрядно удивив варвара. Он не предполагал, что старец может сражаться получше многих воинов, которых Конан встречал на своем пути. Но после нескольких схваток Лао-Бай все же дрогнул и побежал. Конан, отражая непрерывные удары Золоторогого, последовал за ним, чтобы прикрыть его от Серебрянорогого, устремившегося в погоню за ускользающим противником. И тут перед демонами появилась Гуань-Инь.

— Чашу, брат! — крикнул Золоторогий, отступая назад, чтобы разорвать дистанцию боя с киммерийцем.

Серебрянорогий растерянно взмахнул руками и бросился было к башне, но прекрасная и грозная богиня преградила ему дорогу.

— Кто это позволил вам покидать сад бессмертных? — рассерженным тоном спросила она.

В свете ее величия оборотни опустились на колени и быстро приняли свой прежний облик.

— Прости нас, великая богиня, — просили они, — мы всего лишь воспользовались удобным случаем, чтобы побывать на земле.

— Отправляйтесь немедленно обратно, — приказала им Гуань-Инь. — Вам не пристало жить на земле и творить всяческие злодеяния.

Развоплощенные оборотни забрали волшебную чашу и колотушку, сели на облака и стремглав умчались в небесную высь.

— Что же мне делать с вами? — строго спросила богиня Конана и Лао-Бая.

— Если великая богиня позволит, то я бы остался приводить в порядок эту башню, — ответил Лао-Бай, смиренно поклонившись.

— Хорошо, пусть будет так. А ты, Конан из Киммерии, что скажешь в свое оправдание?

— Я просто искал выход из небесного сада, — пожал плечами Конан, — я не намеревался делать ничего плохого. Почему бы великой богине не позволить смертному следовать своим путем? Я и так несу одни лишь потери.

— Но ты не заслужил свободы, — возразила Гуань-Инь. — Ты не исполнил предназначеннего.

— Предназначенного?! — рассердился Конан. — Что значит — предназначенного? Если я при нашей первой встрече сказал не те слова, которые тебе хотелось услышать от смертного, то я уже нагружен каким-то предназначением? Я делаю то, что считаю нужным, а если я допускаю ошибку, то сам за нее расплачиваюсь. Предназначение — это злобная выдумка! Оно бывает только у вещи. Если боги наделяют людей предназначением, то почему бы этим богам самим не исполнять свои преднарочтания, не ломая людям жизнь?

— Не суди дела богов по человеческой мерке!

— А по какой же мерке я должен их судить? Нет у меня других способов измерения, кроме как по себе. Если небожитель спускается на землю в образе людоеда, демона или еще какого-нибудь чудовища, то я встану против воли богов, пусть они хоть подавятся своими предназначениями!

— Хорошо, — лицо богини прояснилось, — я знаю, что с тобой делать. Ты хочешь сам вершить свою судьбу? Да будет так. Ты пройдешь путем выбора и придешь туда, куда приведет тебя твой выбор.

— Опять какая-то ловушка, — чуть не завыл Конан. — Зачем я вам нужен?!

— Затем, что сила небесных сфер постепенно переходит в мир материальный. Создавая материальный мир, высшие духи вкладывали в него свою силу, так что теперь боги сильно ограничены в своем воздействии на мир людей, наоборот, они черпают из него силу. Ты можешь сделать то, что мне не по силам. Но не обольщайся. Крайне редко среди людей появляются гиганты духа, способные занять место рядом с богами в небесных сферах, но также редки люди действия, способные делать правильный выбор. Вот недавно одному многообещающему герою прямо в руки вложили царский престол...

— В руки? — ухмыльнулся Конан.

— Ну, да... В это самое и вложили. Так герой начал бушевать — «Я возьму сам!» И такого наворочал, что небожители только диву давались. Его духовные метания — это ладно, его дело. Но вся страна страдала от беспорядка. Ведь четкая же была ему показана дорога,

только сделай правильный выбор!

— И что я буду должен сделать? — уныло поинтересовался Конан.

— Ничего. Ты просто пройдешь путем выбора и окажешься там, куда он тебя приведет.

Богиня превратилась в золотой луч и через мгновение оказалась вместе с Конаном в роскошном зале дворца, отделанном полированным камнем. Гуань-Инь сделала жест рукой, и перед Конаном возникла светящаяся полоска коридора.

— Иди, вот твой путь, — сказала богиня.

Конан вступил в открывшийся коридор, прошел несколько десятков шагов вперед и оказался на развилке. Ход в одну сторону был темен и уходил за поворот каменной стены, но у входа ярко горели два светильника в золотых оправах. Другой путь был широк и светел, он вел в зеленую долину между высоких гор. Конан пошел туда, и под ноги ему легла ровная зеленая трава. Здесь было красиво. Горы крутыми склонами закрывали долину со всех сторон, мирно журчал ручей, падая с небольшого обрыва, а возле него стояла аккуратная маленькая хижина, окруженная густой рощей.

Из хижины вышла молодая женщина и приветливо улыбнулась гостю. Она была красива и спокойна. Одежда на ней была совершенно новая — ни пятнышка, ни вытянутой нитки, ни потертости, ни лишней складки.

— Я рада видеть гостя в своем доме, — сказала она. — Меня зовут Лила. А как твое имя?

— Конан. Ты живешь здесь одна?

— Да. Больше никого.

— Давно ты живешь здесь?

— Всегда, — мило улыбнулась Лила.

— А у тебя были родители? Братья, сестры?

— Не помню. Ты голоден? Пойдем в дом.

В хибине было чисто и красиво. Лила расставила тарелки с лепешками и жареным мясом, налила в кружки вина и принялась угощать киммерийца, сама она от еды и вина не отказывалась, но видно было, что аппетита у нее нет. Видно было, что ей не приходится изнурять себя непосильным трудом и голодать.

Долина была каким-то очень мирным и безопасным местом. Конан ел и отдыхал, занимался любовью с Лилой, охотно отвечавшей на его ласки. Здесь не было людей, которые могли бы им помешать, здесь не было зверей, которые могли бы на них напасть. Ни ветер с гор, ни дыхание осени не задевали эту долину. Здесь можно было жить совершенно безмятежно. Никогда и нигде Конан не встречал такого райского уголка. И он наслаждался покоем и безопасностью. До утра следующего дня.

Проснулся он рано, умылся ледяной водой из ручья и обошел долину вокруг. Выхода из нее не было. Крутые склоны гор были настолько высоки и отвесны, что подняться на них было совершенно невозможно. На гладких скалах не было даже малейших трещин, обычных в горах. А трава под ногами была такая же ровная и безжизненная, как в саду бессмертных. Все здесь было не настоящее.

Конан вернулся в хибину и позавтракал с Лилой, потом стал ее расспрашивать:

— А ты когда-нибудь покидала свою долину?

— Нет. Зачем, здесь есть все, что только нужно для жизни.

— А сюда кто-нибудь приходит?

— Нет, никогда.

— А откуда берется еда и вино, которыми ты меня угощала?

— Не знаю. Они просто есть и все.

Лила отвечала как-то слишком уж равнодушно, не вникая в суть вопросов Конана. Ему не хотелось обижать ее, но этот кусочек искусственного мира начал уже порядком раздражать его. Он поднялся, собрал свои вещи и вышел из хижины. Лила шла следом.

— Я ухожу, Лила, — сказал он.

— Счастливого пути, Конан, — спокойно ответила она. — Спасибо тебе, что погостили у меня.

— Ты не хочешь пойти со мной?

— Нет. Я не могу.

Конан подошел к коридору, который привел его в долину, и решительно шагнул вперед, не оглядываясь. Перед его мысленным взором лишь мгновенно промелькнуло призрачное видение цепочки мирных долинок, уходящее в бесконечность небесных сфер. Тихое счастье! Мечта тысяч и тысяч людей, которые безмерно страдали в жизни и не представляют себе ничего прекраснее.

Конан подошел ко второму выходу из коридора. Здесь все так же ярко горели светильники, и так же непроглядна была темнота впереди. Киммериец осторожно шагнул вперед, и нога его резко ушла вниз по гладкому каменному полу. Коридор моментально превратился в наклонный желоб, по которому Конана понесло со все более нарастающей скоростью в кромешную темноту.

Он отчаянно упирался руками и ногами в гладкие стены, но это ничуть ему не помогало.

Вдруг на его пути появилось светлое пятно, и он, оказавшись рядом с ним, мгновенно ухватился рукой за кромку открывшегося ответвления. Сила продолжавшегося движения рванула его так, что хрустнули суставы руки и острой болью резануло пальцы, но он удержался и остановил свое скольжение в никуда. Подтянувшись, он залез в боковой ход, который через несколько шагов привел его в ярко освещенный зал.

Шагнув вперед, Конан тут же бросился на пол и покатился в сторону, выхватив из ножен меч. Потом медленно встал и подошел посмотреть то, что его напугало. Это была фигура воина, в два человеческих роста высотой, устремлявшего удар огромного копья прямо на вход. Впечатление было такое, будто наконечник копья вот-вот вонзится в грудь человеку, входящему в зал.

Киммериец облегченно перевел дух и стал осматриваться. Зал был невелик по размерам и непонятно чем освещен, по крайней мере, светильников не было видно, каменные стены были украшены разноцветной мозаикой, изображавшей разнообразные земные пейзажи. Конан остановился перед мозаикой, на которой многоглавый дракон и птица с человеческим лицом склонялись с разных сторон над бревенчатым городком. Рядом был изображен лес, объятый пламенем.

Конан пристально разглядывал картину, привлекшую его внимание, и с удивлением обнаружил, что внимательный взор открывает все новые и более мелкие детали в неподвижном изображении. Неподвижном? Да оно как раз непонятным образом надвинулось на киммерийца, захватило все поле зрения и ожило вокруг него. Фигура дракона при этом как-то ушла за поднявшиеся пригорки и скрылась за густым лесом. Вокруг Конана стоял вековой бор, и был это настоящий лес — с запахом прелой листвы и хрустящими под ногами сухими ветками, с надоедливой паутиной, липнущей на лицо, и ложбинкой, по которой медленно протекал небольшой ручей. Небольшой-то небольшой, но низкие берега

напоены влагой, не перепрыгнешь, не промочив ног, и вброд переходить — придется потом сушиться, а то и увязнешь в липкой грязи...

Конан прошел вдоль ручья, пробираясь среди густого подлеска, отыскал поваленное дерево и по нему перебрался через ручей. Здесь была видна тропа — не он один ходил этим путем. Киммериец пошел по тропе, и она вывела к дороге. Здесь были видны глубокие следы лошадиных копыт, хотя все уже порядочно заросло травой. Кое-где даже ветки кустарника выползли с обочин на середину дороги. Когда-то это был торный путь, но давно, давно. Конник, проехавший здесь недавно, был один.

Конан пошел вдоль дороги, готовый в случае опасности укрыться в лесу. Он вышел к деревянному мосту через небольшую речку. Лес не подступал к реке вплотную, оставляя широкую полоску зеленого луга, на той стороне деревья не стояли стеной, а распадались на отдельные островки посреди широкой равнины. Но зеленый берег возле моста на той стороне был на несколько десятков шагов вокруг вытоптан и перепахан в жестокой битве. И лежали две огромные бесформенные кучи падали, распространявшиеся вокруг неимоверную вонь. Даже воронье не пировало на них, лишь облепляли крупные мухи.

Киммериец перешел мост и спешно отошел подальше от смердящих куч. Он успел лишь заметить на земле, перемешанной возле моста в безжизненную грязь, глубокие следы сапог. Следов было немного, человек был здесь один.

От моста Конана уже отделяло с сотню шагов, и тут из-за ближайшей рощицы с густым подлеском, делающим ее непроглядной, вывалило чудище. Огромное толовище на коротких толстых ногах было похоже на слоновые, но увенчано оно было целой охапкой длинных шей с зубастыми головами. Величиной головы были с лошадиную, но формой походили на змеиные, каждая с двумя парами кривых зубов, выступающих наружу. Увидев человека, чудище бодрой рысью устремилось к нему. Конан, немедленно выхвативший меч и кинжал, стал быстро отходить в сторону, но монстр двигался именно на него и не собирался менять свои намерения.

Тогда Конан встал твердо и стал ждать нападения с мечом наготове. Когда многоглавое чудовище подбежало почти вплотную к киммерийцу, стазу три его головы метнулись вперед, злобно лязгнув сомкнувшимися клыками. Сомкнулись они в пустоте — киммериец был готов и, резко отпрянув в сторону, рубанул мечом по ближайшей шее. Он вложил в удар всю свою силу, и голова монстра покатилась по земле, а из обрубка шеи потекла темная кровь.

Оставшиеся головы дружно издали страдающее глухое шипение. Конан еще дважды успел рубануть чудовище, прежде чем оно смогла развернуться и снова попытаться напасть на него. Оно было не так уж проворно, но огромные размеры и тупая сила делали его достаточно опасным. Варвару приходилось бить в полную силу и двигаться во всю прыть, чтобы ускользать от новых и новых атак чудовища.

В первой схватке он срубил две головы, и еще одна осталась бессильно болтаться на поникшей шее. Однако у чудовища оставалось еще шесть целых голов. Удары в полную силу съедают несколько мгновений схватки, но быстрыми легкими ударами не нанести достаточно глубокой раны.

Конан снова встретил атакующего монстра мощным рубящим ударом, срубил ему еще одну башку и бросился в сторону, но одна из голов в отчаянном выпаде достала киммерийца. Пара иглоподобных зубов рванула его плечо и сорвалась, не удержав добычу. Боль была жгучая и пронзительная. Конан прокатился по земле, быстро вскочил и снова обрушился на чудовище. Он рубил, увертывался от ударов, отступал и снова нападал на врага сбоку.

Монстр, перемесивший траву под ногами в грязь и обильно поливший ее своей кровью, все так же однообразно пытался затоптать киммерийца своей тяжестью или схватить уцелевшей пастью. Но человек был слишком быстр и ловок. Когда на изуродованном туловище осталась всего одна голова, чудовище перестало гоняться за ним, осело и только озиралось по сторонам, пытаясь встретить своего ничтожного врага хотя бы еще одним точным ударом.

Конан атаковал и рубанул уже не по шее, а прямо по морде, бросившейся на него. Судорожное движение разрубленной головы чуть было не вырвало клинок у него из руки, но он неимоверным усилием выворотил меч, застрявший в лобовой кости монстра. Потом обошел чудовище и так же уверенно добил последнюю голову. Он посмотрел на поверженного врага и медленно пошел к реке.

Плечо его сочилось кровью и горело жгучей болью — видимо, зубы монстра несли на себе зловредную слону. Конан подошел к реке чуть выше по течению от моста, снял куртку и промыл рану, морщась от боли. Потом вымыл меч, вытер его и вложил в ножны. В это время к мосту той же дорогой, откуда пришел киммериец, подъехал конный воин. Здоровенный детина сидел на крупной лошади, которую тоже кормили от души. Детина был облачен в свеженачищенную длинную кольчуту, прикрывающую бедра, железный шлем на его голове увенчивался высоким острием, круглый щит на левой руке был выкрашен в ярко-красный цвет, а в правой руке у него была богатырских размеров булава. Детина медленно въехал на мост, внимательно обозрел окрестности, набрал в грудь побольше воздуха и заорал, обращаясь к Конану:

— Эй, ты! Оборванец! Это ты, что ли, моего зверя завалил?!

Говорил он на каком-то диалекте гирканского.

— Нет, оно от любовной тоски сдохло, — ответил Конан. — Тебя дождаться не могло.

Грозный тон воина его ничуть не беспокоил. По сырому бережку тот не проехал бы верхом, а спешившись, потерял бы свое преимущество. Взять же противника в равном поединке Конан не опасался.

— Нет, ну вот народ! — громогласно произнес детина. — Ну не успеешь отвернуться, как они уже все испоганят! На два десятка лиг вокруг ни один человек не осмеливался приближаться к этому месту! И что же? Стоило мне задержаться, как какой-то бродяга уже украл у меня победу над чудовищем! Ты откуда здесь взялся?!

— Тебя больше всего интересует, откуда я взялся? Не знаю! Волей богов и путями неведомыми. А за чудовище что, награда великая положена, что ты так расстроился?

— Ага, награда! Уютная могила! Я тут, у моста, уже трехглавое чудо-юдо положил, и шестиглавое, а сегодня должен был с девятиглавым биться! А ты влез и все испортил...

— Так в чем же дело? Чудовище мертвое, чего тебе не хватает?

— Предсказание нарушено. Что теперь будет?

— Ничего не будет, — рассердился Конан. — Езжай дальше и верши свой путь. И не блажи мне тут насчет пред назначений.

Ему стало плохо, он отошел от берега и сел на траву. Детина, наконец, обратил внимание на то, что его собеседник ранен в битве, легко спешился, оставил оружие и подошел к киммерийцу с небольшим дорожным мешком.

— Да ты ранен? Покажи-ка.

Он осмотрел следы зубов на плече киммерийца, достал из мешка тряпицу и деревянную чашку с густой темно-зеленой мазью. Перевязав плечо невольного соперника, он посидел с ним, пока Конану не стало лучше.

— Насчет предназначения ты не прав, — говорил он. — Рассказывали у нас про одного героя. Не из наших краев, откуда-то с далекого запада. Надел он прочные доспехи, взял верный меч и надежное копье, сел на доброго коня и поехал совершать великие подвиги. Ну и заехал для начала на земли одного из ближайших соседей, с которым он был в давней ссоре. Разогнал людей с полей, порубал горшки на плетнях, и все подвиги на этом закончились. Поехал он дальше и заехал в дикий лес, где проклял все на свете. Длинное копье не давало проехать сквозь густые заросли, и пришлось его бросить. Доспехи к концу дня стали неподъемной тяжестью. И никого вокруг — ни людей, ни зверей, ни жилья, ни ночлега. Вернулся он кружным путем через земли другого соседа, с которым был в большой дружбе, и устроили они великолепную пирушку, на которой придумали столько замечательных подвигов, что тамошним менестрелям-трубадурам на сто лет хватило в балладах воспевать. Так что если уж выпало тебе предназначение, то не пренебрегай им, а то будут потом вечно тянуться перед тобой глухие, кривые, окольные пути...

Потом детина оставил киммерийцу половину круглого каравая хлебам из своих припасов, сказал, что Конан шел не туда, а населенные места лежат в противоположной стороне, после чего оседлал лошадь и медленно двинулся своей дорогой.

Конан вернулся назад, но не стал обходить ручей по дороге, а прошел напрямик, так же перешел через него по стволу упавшего дерева, пересек лес и выбрался к человеческому жилью.

Небольшой двор составляли бревенчатые жилой дом и хозяйственные пристройки, связанные высоким забором. Над воротами возвышался аккуратный козырек, чтобы не гнили ворота под дождем, да и чужому человеку труднее будет перелезать.

Из открытых ворот выскочили две крупные собаки и стали яростно облавливать незваного гостя. Лаяли, но не бросались. Вышел из ворот хозяин — крепкий мужик лет тридцати, хотя и не такой высокий и широкоплечий, как могучий киммериец. Он отогнал собак и спросил:

— Чего ищешь?

— Город далеко? — спросил Конан.

— Город? До темноты не успеешь добраться. Ты один, или за тобой еще кто-то подойдет?

— Один. Можно будет у тебя переночевать? Я Конан из Киммерии. Попал в ваши места путями, самому мне неведомыми.

— Вот как? Ну, ладно. Бояться не будешь?

— Нет. Я тут с одной зверюгой сцепился, и она мне плечо порвала.

— Ладно, заходи. Меня Радотом зовут.

Семья Радота была невелика — он с женой, да сыновья лет семи и лет десяти. Гостю дали умыться и переменить белье, накормили и напоили отваром из разных трав и сущеной малины. Отяжелев от еды, киммериец сидел на завалинке и слушал Радота.

— Места здесь богатые, и лес, и поле, и выпас для скота. Видишь, какое хозяйство я поставил? Все своими руками сделано. Страшновато, конечно, лес здесь встречается со степью, и если степное войско нападет, то все прахом пойдет. Одна надежда, что через речку коннице плохо переправляться, и степные идут южнее, в стороне, а сюда, в мой тупичок могут не добраться. Ну а там их встречает городская дружина. Город Черноз — крепкий город. С ходу его конница взять не может, а в долгой осаде держать — подойдет помощь от других городов. Так и живем. Городская дружина ходит в степь, бьет кочевников и угоняет их стада. Степные иногда собираются большим войском, идут в наши земли, хватают

пленников, жгут города и деревни, кого с собой не уводят — убивают всех подряд. Обычай степной войны — убивать всех, чтобы не выросло поколение мстителей. Одно хорошо — между собой степные воюют еще злее из-за удобных мест для зимовок. Свой сосед кочевнику хуже любого врага — он пасет свой скот, отнимая пастище у него,

— И что же? — спросил Конан. — Ты собираешься отсидеться от врага за этим забором?

— Да как сказать? Большое войско ко мне не придет — незачем. Им простор нужен. А если какой-нибудь небольшой отряд появится — то не надолго. Спрячемся.

На следующее утро Конан поднялся отдохнувшим и окрепшим. Рана на плече хорошо заживала. Радот попросил киммерийца помочь ему, и они начали собирать новый амбар. Бревна были уже подготовлены, оставалось поднимать их на вершину начатого сруба. Ворошая тяжелые бревна, Конан поинтересовался:

— Как же ты в одиночку дом ставил? Вдвоем-то тяжело, а одному и вовсе работа неподъемная.

— А куда деваться? Постепенно — поднял край, положил на подпорку, поднял другой край, уложил бревно на место. Да соседей иногда звал на помощь.

До обеда работали на строительстве, подняли стены, и Радот начал затачивать наверх стропила. Старший его сын на лошади подвозил из леса во двор сваленные загодя бревна. Вдруг Радот опрометью бросился вниз и кинулся затворять ворота.

— Всадники! — крикнул он. — Чужие!

Конан быстро вооружился и побежал к воротам, но Радот уже плотно закрыл их на засов. Он бросился к бревнам и схватил топор.

— Сколько их? — крикнул Конан.

— До десятка! Попробуем отбиться?

— Конечно!

Налетчики уже лезли через забор по обе стороны от ворот. Радот метнулся к ближним, замахиваясь топором. Конан встретил тех, которые лезли дальше. Могучему киммерийцу не впервые было биться против нескольких противников, но он вовсе не хотел, чтобы на него напали с нескольких сторон сразу.

Даже два врага, хорошо владеющие клинком, делают схватку смертельно опасной. Если они не стеснены узкими коридорами и могут действовать хоть чуть-чуть слаженно, то победить их весьма непросто. Поэтому Конан старался бить врагов с ходу, не дав им возможности взять его в кольцо.

Неотвратимое движение меча киммерийца почти не замедлялось, встречая на своем пути руку или плечо, горло или шлем летящего со стены налетчика. Стальной вихрь с короткими ударами кинжала разметал врагов и оставил пятерых лежать на земле и умирать — кого быстро, кого медленно. Двое последних противников даже не решились спрыгнуть со стены, благоразумно бросились назад.

Радот тем временем оказался один против троих. Ударил первого еще в прыжке, но добить сразу не смог, и тут же бросился на следующего. От быстрого сабельного удара очень трудно защититься топором на коротком топорище. Остается одно — бить самому на опережение, не думая о защите. Лязгнул топор по шлему одного из противников, потом с мягким чавканьем прорубил кольчугу на плече второго. И упал Радот, посеченный саблями, увлекая за собой поверженного врага.

Конан броском кинжала свалил еще одного врага и сошелся в коротком поединке с

последним. Лязгнуло железо, и сабельный клинок обломился, встретившись с мечом киммерийца. Он рубанул обезоруженного врага и обернулся. Все налетчики были повержены. Конан быстро поднялся на забор — двое уцелевших конников скакали прочь, уводя с собой коней убитых соратников.

Киммериец подошел к Радоту, возле которого уже возилась подзывающая жена. Он помог перенести раненого в дом. У Радота была рассечена голова и плечи. По голове сабля скользнула, срезав клок волос, но не прорубив кость, на одном плече перерублена ключица, на другом две неглубокие раны.

— Может, выживет, — сказал Конан и помог перевязать раненого.

Он вышел во двор и занялся порубленными врагами. Лобил двух раненых, собрал в кучу оружие и начал раздевать убитых. На их тела нашлось несколько серебряных украшений. Конан собрал ценности, выбрал себе пару кинжалов получше, потом нашел в сарае лопату и пошел копать яму. Захоронив убитых в стороне за забором, он вернулся в дом и сказал пришедшему в сознание Радоту:

— Я оставлю тебе одежду и оружие налетчиков, а мне за это нужна лошадь.

— Бери, — отозвался Радот. — Спасибо тебе, отбились. В город поедешь?

— Да.

— Ладно. С дороги не собьешься. А в остальном — удачи тебе.

Конан оседлал лошадь, открыл ворота и поскакал вперед. Дорога шла между полей и перелесков, несколько повышаясь над приречной низиной. Десяток всадников вынырнул из-за леса в сотне шагов от киммерийца и, разворачиваясь в цепь, поскакал к нему. Варвар остановился — по всему было видно, что это были не степные наездники, а городские дружины. Их кони были крупнее и выносливее, выкормлены овсом, а не травой. Всадники одеты не как кочевники.

— Кто ты такой? — спросили Конана, окружая его.

— Я Конан. Конан из Киммерии. Я не враг вам.

— Куда ты направляешься?

— В Черноземье.

— Тогда едем с нами. Город сейчас в осаде, и в одиночку ты не проедешь.

Конан поехал с ними, и они соединились с двухсотенным отрядом конных дружины. Рослые сильные кони, хорошо вооруженные воины составляли сильный отряд. Случись им биться в крепком месте, они бы сдержали натиск любого противника, в неудержимой атаке они пробили бы строй любого войска, но что в степи две сотни воинов? Капля в море. И никакой витязь не выдержит, когда его бьют со всех сторон.

Отряд выслал вперед конные разъезды и двинулся к Черноземью. Когда по расширившимся полям стало чувствоватьсь приближение города, сбоку из-за перелеска выехал десяток степных воинов. Им не повезло. Передовой разъезд отрезал им путь отступления, а основной отряд, взявши за луки, перестрелял их как куропаток. Ни один не ушел, так что появление дружины перед городом должно было стать неожиданностью для противника.

Убедившись, что дорога свободна, разведчики вернулись назад, и отряд, набирая скорость, помчался вперед. Окружившее город степное войско насчитывало до двух тысяч воинов, но было не готово к сражению. Дружины прорезала вражеский лагерь, как нож — масло. Развернувшись плотным строем, дружины рубили мечущихся врагов, но в стороне уже начинала собираться степная конница, нацеливаясь для удара во фланг дружины.

Тут распахнулись городские ворота, и еще один конный отряд пошел на соединение с

атакующими воинами. Совместным ударом дружины опрокинули отряд степных, а когда вторая половина вражеского войска собралась против них, развернулись и ушли в город, подставив преследователей под стрелы и камни с городской стены. Самые горячие наездники, пытавшиеся ворваться в ворота следом за отступающими дружиными, были выкошены залпом лучников, бивших в упор. Кони, битые стрелами, и лишившиеся своих всадников, смешались перед воротами в бессмысленную массу, через которую пробиться к воротам никто не смог, и тяжелые створки накрепко затворились за воинами, вернувшимися в город.

В городе было тесно от людей, укрывшихся за его крепкими стенами от вражеского нашествия. Но хозяева принимали чужих без разбора, было бы место, где лечь. Конан пристроил лошадь в одном из дворов и пошел на стену, где смешались и дружины, и простые люди, вооруженные чем попало. Отстаивать стену предстояло всем вместе.

Урон степному войску от удара дружины был велик, но не достаточен, чтобы снять осаду. Они уже убирали тела убитых и готовили мощный таран с укрытием от стрел и камней. К врагам подошло сильное подкрепление, и группа прибывших мастеров налаживала камнемет. В городе готовились отражать штурм. Вокруг ворот ставили прочный забор, чтобы, пробившись через ворота, враги оказались в ловушке.

Конан ушел со стены, вернулся к тому двору, где оставил лошадь, напился и перекусил. Потом лег, чтобы отдохнуть и уснул. Проснулся он среди ночи. Над городом летели горящие стрелы. Обмотанные промасленной ветошью зажигательные снаряды вонзались в стены и крыши, падали на землю или находили случайную цель, поражая людей. Повсюду тушили огонь.

Конан разбудил соседей, спавших рядом с ним, и отправился к стене. Там несколько десятков воинов били из луков в конных стрелков, которые на скаку пускали зажженные стрелы в спящий город. Несколько десятков стрелков против нескольких сотен в поле! Городская дружины имела около пяти сотен отличных воинов, но в степном войске, по всей видимости, было сейчас не менее пяти тысяч бойцов.

А город уже горел. В нескольких местах жители не успели погасить горящие стрелы, и теперь дома полыхали так, что подступиться было невозможно. Лишь бы удалось не пустить огонь дальше!

Солнце высушило дерево построек, и пламя полыхало вовсю. Багровый огонь пожара начал сливаться с полоской рассвета, и степное войско двинулось на приступ. Медленно полз вперед таран, бежали воины с лестницами в руках. Конан обнажил свой меч. Вот и настал его час. Вряд ли кто-то из защитников города переживет этот штурм.

— Встречай меня, Кром! — воскликнул Конан.

Хлопнул в поле камнемет, и в редеющем утреннем сумраке киммериец увидел летящую в него каменную глыбу. Он в мельчайших подробностях видел поверхность приближающегося к нему снаряда, и вдруг все перед ним заволокло серой пеленой, а вместо чудовищного удара камня у него появилось ощущение полета, в глазах померкло, а когда мрак рассеялся, он стоял в ярко освещенном зале яшмового дворца, а перед ним грозно возвышался бог Кром.

— Ты звал меня, смертный? — громоподобным голосом произнес Кром.

— Звал, — согласился Конан. — Точнее сказать, взвывал. Но я привык, что взывать к богам бесполезно, мы сами вершим свою судьбу, и милость богов снисходит до их почитателей лишь после смерти.

— Воистину, так, — согласился Кром. — Но сейчас твой зов звучит не как ничтожное сотрясание воздуха смертным глупцом. Ты открываешь путь, соединяющий небо и землю. И твой зов услышит любой из богов.

— Значит, я еще не убит там, на земле? — ошарашено спросил Конан.

— Нет, мой доблестный почитатель, Конан из Киммерии!

— Ты знаешь меня? Мое служение во славу твою было тобой замечено?

— Нет. Но я вижу тебя перед собой и мне этого достаточно. Я вижу твою доблесть и твою глупость. Я вижу силу твоего духа и кровь невинных жертв на твоих руках.

— Каких это жертв? — не понял Конан, непроизвольно взглянув на свои руки. — Разве не победа над врагом служит твоему торжеству?

— Это какой негодяй учил тебя этому? — рассердился Кром, — Победа победе рознь. Может, я еще должен покровительствовать режущим глотки? Убивающим из-за угла? Мучителям беззащитных жертв? Ведь все они победили своих противников! Насильнику и убийце я должен радоваться?!

— Как же так? — удивился Конан. — Меня с детства учили, что мы, дети Крома, рождаемся для того, чтобы убивать врагов!

— Ты не видишь разницы? — прищурился Кром. — Так устроен человек, что он вечно старается заставить других делать то, что нужно ему. Насилие и смерть служат орудием для этого. И тот, кто встает против врага — тот мой сын. Неважно, победит он в бою или будет повержен. Он не смиряется с насилием, он преодолевает страх боли и смерти! А негодяй, ломающий тех, кто слабее его, это просто ничтожный выродок!

— И кто же я в твоих глазах?

— Я уже сказал. Доблестный воин, отягощенный по глупости своей тяжкой ношей преступлений.

— И что же мне делать?

— Думай! Не числом одержанных побед определяется величие моих сыновей, а победой духа! Найди свой путь, а не мотайся по миру, как хищник, оставляющий после себя только кровавый след.

— Куда же мне теперь?

— А куда хочешь.

— Но я не могу открывать дорогу на землю!

— Почему? Можешь. Впрочем, я помогу твоим расстроенным чувствам. Иди!

И перед Конаном раскрылась тревожным красным цветом воронка, вытянутая вдаль. Полет по ней был краток. Киммериец обрушился на жесткую поверхность, крепко приложившись пятками, удержал равновесие и стал оглядываться.

Он стоял на открытой террасе какого-то огромного дворца. На далеком горизонте тускло светилась багровым светом узкая полоска заката. Небо уже покернело, яркие звезды холодно глядели на город, толстая луна заливала окрестности плотным светом безумия. Из дворца явственно доносились звуки разудалого пиршества. Конан никогда не бывал в этом дворце, но по доносящимся голосам на шемитском наречии, по силуэтам крыш вокруг и по запаху поздних роз узнал место, куда он попал на этот раз.

Это был один из лучших дворцов Эрука — города в Шеме. Конан посмотрел вниз с террасы и увидел, что в по осеннему саду перед дворцом неторопливо расхаживает многочисленная стража. Вдоль самого здания и вдоль стены, окружающей сад, у главного входа и у боковых выходов дежурили вооруженные люди. Спуститься вниз и объяснять

стражникам свое появление во дворце в качестве незваного гостя показалось Конану неудачным решением. Не тот случай. Примут за вора, начнут вязать, потом примутся развлекаться над беспомощным пленником. Драться с ними? Не за что. Он же ничего здесь не украл...

Конан прошел по террасе и вошел внутрь дворца. В огромном зале, освещенном многочисленными масляными светильниками, было жарко и душно. Длинный стол, уставленный остатками роскошных блюд, грязными тарелками и многочисленными кувшинами, мог вместить добрых две сотни гостей. И, безусловно, вмещал. До недавнего времени. Теперь же часть гостей плясала в пьяном угare, часть расползлась по углам, увлекая за собой полураздетых девушек из прислуки. Прислуги было немного, и она больше старалась принести на стол вино и яства, чем поддержать на нем хоть некоторое подобие порядка. У главного выхода и у дверей для прислуки Конан заметил по две пары стражников — здоровенных мордоворотов, старательно пытающихся не бросаться в глаза толпе пирующих гостей. Получалось плохо.

Конан подошел к столу и сел на одно из свободных мест. Пододвинул к себе блюдо с жареной бараниной и стал есть. Насытившись и выпив вина из чьего-то кубка, он обратился к соседу, который уже не ел и не пил, но с язвительной улыбкой откинулся на своем кресле и неподвижно глядел на пирующих.

— Что, не нравится это веселье? — негромко спросил его Конан.

— А что, в этом есть что-то веселое? — скривился собеседник.

— Ну, да. Вкусная еда, обильная выпивка, музыка. Все же веселятся.

— Как тебя зовут?

— Конан. Конан из Киммерии.

— А мое имя Перес. Так вот, Конан из Киммерии, я никак не могу увидеть ничего веселого в куске жареного мяса. Он может быть замечателен на вкус, но причем здесь веселье?

— Если человеку приходилось в жизни часто голодать, то он будет от души радоваться вкусной пище, — пожал плечами Конан.

— Просто я не люблю такого веселья. На всяком пиру бывает один человек, которому не весело. И это всегда я!

Жалобно взвизгнув, сбылась музыка, и в зале наступило молчание. Даже упившиеся до безобразия, медленно умолкали, прекращая молоть обычный пьяный вздор. На каменной стене зала неотвратимо наливались мертвенным светом непонятные письмена. Знаки были незнакомы Конану, но по расположению символов можно было понять, что они составляют три слова. Отупелые взоры пирующих были устремлены на эти письмена, и не было в пьяных глазах ни надежды, ни радости. А была лишь тупая покорность и отчаяние.

— И что это значит? — спросил Конан снова скривившегося Переса.

— Ты не знаешь? — поразился тот. — Откуда же ты взялся? Впрочем, это неважно. Эта надпись появляется на стене уже третью неделю. И, как говорят все наши пророки, она не предвещает ничего хорошего.

— Кому?

— Ну, в первую очередь, царю.

— А потом?

— А потом одному из гостей нашего праздника, потому что по жребию один из них займет место царя на сегодняшнюю ночь.

— И что же бывает ночью?

— Никто не знает, что бывает ночью, — сказал Перес, заметно бледнея. — Но заканчивается она смертью избранника судьбы. Плохой смертью.

— Чем же особенно плоха такая смерть?

— Тем, что человек теряет не только жизнь, но и душу. Одни народы сжигают тела умерших, освобождая душу от притяжения материального тела и облегчая ей перерождение. Другие хоронят мертвых в земле, и пока не истлеет материальное тело, душа человека блуждает по царству мертвых. Возвращение тела в круговорот жизни на земле дает душе дополнительные силы, чтобы тоже возродиться. Стигийцы сохраняют тела своих царей нетленными в гигантских пирамидах, где время теряет свою силу, и душа, имеющая постоянную опору в мире материальном, остается навсегда жить в пирамиде невидимой и беречь свой народ. А смерть, которая приходит по знаку судьбы, который ты видишь сейчас на стене дворца — отдает душу человека в вечное рабство темных сил.

— Откуда ты это знаешь?

— Оттуда, недоверчивый варвар, что лучшие наши маги и жрецы великих богов пытались справиться со знаками судьбы. И были это отнюдь не шарлатаны, обирающие легковерных. И открыли они, что даже Митра не может отвести от царя исполнение злого пророчества. И определили они, что не смерть тела отпускает душу умершего вместо царя, а исчезновение души, выпитой неведомым врагом, оставляет тело избранника лежать бездыханным после каждой ночи.

— И все это знают?

— Они? Это безмозглое веселящееся стадо? Они знают, что кто-то из них умрет. И все. Но тот, кто попытается уклониться от участия в священном жребии, тот умрет сразу. Не дожидаясь ночи. Вот они и веселятся.

— А сам царь тянет жребий?

Перес безудержно расхохотался. Из-за возобновившихся за столом разговоров на него не обратили особого внимания, но Конану стало не по себе от этого смеха.

— Царь раздает жребии! — отчетливо произнес Перес.

Гул голосов снова стих, и от царя, величественно восседавшего во главе стола, торжественно двинулись шесть гвардейцев в парадных доспехах. Все как один — высокие, сильные. Медленно прошествовав вдоль всего стола, они остановились возле Переса.

— Жребий пал на тебя, — провозгласил один из них.

Перес был просто раздавлен этим приговором. Он суетливо поерзал на месте, будто что-то искал, потом медленно поднялся, искательно озираясь по сторонам. Бессмысленно было все — мольбы и проклятия, борьба или смирение. Сопротивление птички не спасет ее от когтей кошки. Конан видел, что его собеседник готов был бы на любое унижение, если бы оно могло сейчас ему помочь. Но помочь ему не могло ничто, и лишь остатки гордости давали ему сил идти самому, а не извиваться бессильным червяком в равнодушных руках беспощадных стражей.

Пересавели вдоль стола, и он скрылся за дверью в дальнем конце зала. Безумный пир продолжался, но Конан заметил, что стражники у дверей неторопливо стали покидать свои посты. А гости потихоньку стали выходить из зала и возвращаться назад, новые слуги неназойливо наводили порядок, унося уснувших за столом, убирая обедки и вытирая залитые столы. Снова заиграла музыка, но веселье было сломано.

Воспользовавшись движением в зале, Конан поднялся из-за стола, прошел вдоль ряда

узких окон и приблизился к двери, в которую увели Переса. Царь, возле которого оставалось двое телохранителей, в это время поднялся и, пошатываясь, двинулся к той же двери. Гвардейцы последовали за ним, поддерживая повелителя с чрезмерной заботливостью. На киммерийца они даже не взглянули, а если кто-то из пировавших рядом с царем, и заметил чужого человека, то никак на это не отреагировал.

Конан мгновенно решился и спокойно вошел в дверь следом за царем. За дверью он прижался к стене и увидел, что в коридоре, ведущем к богатой двери в царские покои властитель Шема встретился с воинами, отводившими Переса.

— Все в порядке, повелитель, — сказал один из воинов. — Он заперт в опочивальне.

— Хорошо, — хрипло произнес царь. — Вы свободны.

Воины ушли в боковой коридор, а царь постоял возле двери, жадно прислушиваясь, потом вместе с телохранителями двинулся еще в один коридор. Конан скользнул за ними, в несколько бесшумных шагов настиг их и ударом кулака свалил одного из стражей. Телохранители были не слабее киммерийца, но неожиданный удар в голову лишает сознания любого богатыря. Конан толкнул царя, чтобы перебить ему дыхание и не дать кричать, а сам напал на второго воина. Он мгновенно заткнул ему рот ладонью, поставил подножку и толкнул плечом, потом перехватил потерявшего равновесие телохранителя и впечатал его затылком в каменную стену коридора.

Не дожидаясь, пока бесчувственное тело сползет по стене на пол, Конан бросился к царю, который успел выхватить богато украшенный кинжал и встретил киммерийца колющим выпадом. Но Конан был не только силен, но и быстр. Он перехватил руку с кинжалом, и запястье противника хрустнуло под железной хваткой киммерийца. Варвар поймал падающий кинжал, перехватил ослабевшее тело царя и поволок его к дверям в опочивальню.

Дверь была закрыта снаружи подпоркой, опирающейся на специально прибитый бруск на полу. Видно было, что он прибит здесь недавно — настолько он был чужероден рядом с роскошной дверью. Конан решительно выбил подпорку, открыл дверь и заволок царя внутрь. Тот начал было сопротивляться, но для киммерийца это было не более чем трепыхание рыбешки в крепких сетях.

Он бросил стонущего и ругающегося пленника на пол и огляделся. Опочивальня с огромной кроватью, завешенной шелковым балдахином, шитым золотом, четыре масляных светильника на стенах, Перес, сидящий на полу возле кровати и глядящий на вошедших с боязливой надеждой. Царь, бессмысленно шевелящийся на полу, покрытом коврами, сделал вдруг попытку криком позвать на помощь, но киммериец безжалостно пнул его сапогом, и тот захлебнулся своим криком.

— А что? — поинтересовался Конан, — кто-то придет сюда на призыв о помощи?

— Это вряд ли, — усмехнулся Перес и весомо произнес, глядя на поверженного повелителя. — Царская власть кончается за порогом этой комнаты, не так ли?!

— Так! — Царь сел более-менее ровно и, злобно глянув на киммерийца, сказал: — Я в вашей власти. И гибель моя неминуема. Но неужели вы думаете, что сможете уйти отсюда живыми?

— А почему бы и нет? — спросил Конан. — Ведь смерть ищет тебя и не успокаивается, пока ты подсовываешь ей других.

— Нет, киммериец, — покачал головой Перес, — смерть возьмет всех, кто окажется рядом с царем.

— Что мы можем сделать?

— Ничего, — с мстительной радостью в голосе произнес царь, — десяток лучших воинов умерли здесь так же, как жалкий одинокий старик. Ни оружие, ни магия не способны помешать исполнению проклятия. Ни светлые боги, ни покровители зла не откликаются на призывы своих жрецов, которые молят их избавить нас от гибельного пророчества.

— Тогда замолкните, — непререкаемым тоном велел киммериец.

Он попробовал открыть дверь, но кто-то уже заботливо вернул подпорку на прежнее место, и толстые створки даже не шелохнулись. Конан достал из ножен меч и лучший кинжал, сел возле двери с оружием наготове и задумался. Перес встал, отошел к узкому проему окна и стал глядеть в звездное небо, как будто прощаясь с этим миром, царь тоже поднялся на ноги, медленно прошел вдоль глухой стены и как будто ненароком попробовал надавить на какой-то малозаметный выступ в стене.

Ничего не произошло, и царь негромко выругался. Верные слуги добросовестно позабочились о том, чтобы из этой ловушки не было никакого выхода.

Отмечая краем сознания эти перемещения, Конан одновременно настраивался на грядущий смертельный бой, хотя бы этому поединку и предстояло стать последней битвой киммерийца, и размышлял. Что можно сделать в такой ситуации? Взвывать к богам? Последние события давали некоторую надежду на то, что его зов действительно может быть услышан богами. Но кого призовет в ответ на это его противник?

Время между тем текло, и, по-видимому, наступила полночь. Воздух в комнате вдруг стал дрожащим и колючим, умерли даже случайные шорохи и звуки дыхания. Перес обернулся от окна и застыл недвижным изваянием, царь безмолвно хрюпал, протягивая перед собой руку, унизанную драгоценными перстнями. А в центре комнаты соткалось бесформенное пятно абсолютной черноты, пронизанное редкой переливающейся сеткой тонюсеньких огненных нитей.

Конан почувствовал, что этот призрак обладает невиданной мощью. Даже от Крома или Гуань-Инь не веяло такой силой. Но была это не чистая сила воплощенного бога, способная передвигать горы и моря. И не безумная злоба демона, вызванного из темной бездны магическим искусством, чтобы убивать и разрушать по воле хозяина.

Даже крокодил, разрывающий на куски свою жертву, вызывает у человека не только отвращение перед жуткой работой несущей смерть пасти, но и невольное восхищение перед его свирепой мощью. Призрак же не был похож ни на что человеческое.

Вряд ли он смог бы отдернуть занавеску у окна, однако безграничный голод духа, стремящегося насытиться человеческими душами, парализовал волю к сопротивлению и беспощадно растворял в себе и ярость злодея, и смирение праведника.

С появлением призрака Конан мгновенно был на ногах, держа оружие наизготовку. Но первое движение призрака было к царю. Смертный ужас исказил его лицо, и бездыханное тело медленно стало сползать по стене.

Каким-то природным чутьем Конан почувствовал, что призрак забрал душу царя и теперь нацеливается на Переса.

— Ты получил, то что тебе было нужно, — твердо произнес Конан. — Теперь — изыди!

Призрак не обратил никакого внимания на слова киммерийца и медленно потянулся к Пересу. И тогда Конан с неимоверной быстротой расположил свои клинками. Железо проходило сквозь призрак, не встречая сопротивления, но огненные нити распадались на части. И тут же срастались.

Перес стал падать, и Конан понял, что его недавний собеседник уже мертв. Тогда Конан по какому-то наитию понял, что может быть призрака не оружием, а своей волей. Он вытолкнул вперед руки, будто отталкивая огромный груз, и призрак расплющился и отлетел немного назад. Не выпуская из рук меча и кинжалов, Конан движениями тестомеса сминал и сворачивал бесформенную черноту перед собой.

Призрак издал неясный стон, и киммериец почувствовал, что он может делать с призраком что угодно, но тот не в состоянии уйти, оставив в живых смертного, видевшего его. А концентрация воли не может длиться бесконечно. Чуть Конан переставал давить на противника, как тот начинал восстанавливаться. И мощь его вовсе не убывала. Держать его напряжением воли было не легче, чем держать каменную глыбу на вытянутых руках. Киммериец собрал все свои духовные и физические силы, неистовым усилием закатал призрака в тугой кокон и, делая волевой посып в небесные сферы, открыл перед собой сияющий тоннель.

Их вынесло в ярко освещенный зал яшмового дворца, и в этом свете призрак жалобно завизжал, съежился, оставаясь таким же бездонно черным, и моментально юркнул в картину на ближайшей стене.

Конан уже знал, что картина может вывести куда угодно, но у него сейчас не было желания преследовать врага. Он изгнал его с земли, а это было главное.

Он огляделся и сумрачно насупился. Здесь было какое-то сбогище богов. Они собирались в этом роскошном зале во всем блеске своей силы и славы, а теперь все дружно смотрели на него. Смотрели и молчали. Конан узнавал Змееногого Сета с Нергалом, благостного Митру и многих других. Где-то во втором ряду виднелась мощная фигура Крома.

— Вот ты и научился открывать двери там, где это нужно! — К Конану с благосклонной улыбкой подошла Гуань-Инь.

Конан осторожно отстранил прекрасную богиню и подошел к Митре.

— Почему по нашему миру вечно шляются стада демонов и чудовищ? — клокочущим от ярости голосом спросил он. — Светлые боги что, для развлечения их запускают?!

Митра грозно нахмурился и стал быстро расти.

— Не забывайся, смертный! — важно произнес он, глядя на киммерийца с высоты. — Милость богов не беспредельна.

Конан насупился, собрал свои духовные силы, и Митра с несколько растерянным видом вернулся к прежним размерам. Конан вытянул указательный палец к лицу бога.

— Я спросил, почему в наш мир открыт доступ всякой нечисти! И я желаю получить ответ!

— Вот как? — не растерялся Митра. — Желаешь? Что же, получи свой ответ!

Окружающее вдруг поплыло перед глазами киммерийца, а когда мелькание цветных пятен прекратилось, Конан оказался перед стеной, на которой цветным мелом были нарисованы фигурки богов, а на зеленой траве возле стены стоял невысокий человек средних лет, с ничем не выдающимся лицом, одетый в какую-то серую хламиду.

— Добрый день! — приветствовал он киммерийца с приятной улыбкой.

— Добрый? — спросил Конан. — День? Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. Прости мне мое невежество, но кто ты?

— Я? Я — ответ на все вопросы. Ты интересовался, почему в твоем мире так много порождений темных сил? Я могу дать тебе ответ.

— Да уж, — пробурчал Конан. — Люди и так достаточно отравляют жизнь друг друга,

чтобы еще становиться жертвами демонов и оборотней, чудовищ и магических чар. И если все это порождения злых богов, то почему добрые боги не защищают нас от злых?

— Все боги — это частичные воплощения Единого. Ни один из них не может говорить от лица Единого, но каждый несет в себе Его часть. А добро и зло возникает только в отношениях между людьми. И нет такого доброго действия, которое люди не смогли бы приспособить для причинения зла себе подобным.

— Но кто пускает в мир всех этих монстров?!

— Кто? А вот приходит ко мне ищащий, желая вернуть близкого человека, умершего безвременной смертью. И как ни объясняй ему, что не к добру он этого добивается, не понимает он ничего. И вот идет по земле возвращенный к жизни зомби. Я же не виноват, что нельзя вернуть дух в мертвое тело?! А что такое зомби, ты наверное, знаешь?

— Уж знаю, — горестно вздохнул Конан.

— Да, труп, не обремененный душой. Голодная нечисть и ничего больше. Другой ищет бессмертия и его находит. Вампир или упырь — тоже погань преизрядная. До чего же люди не ценят свою душу! Ради осуществления ничтожных желаний они убивают сами себя. Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Есть вещи, на которые нельзя соглашаться ни за что. Просто нельзя и все!

— Именно! Маги тоже вот как дети сущие. Тянутся к могуществу, совершенно не думая о последствиях. И ползут в мир всяческие монстры. Да и боги в своей вражде друг с другом насоздавали себе подручных низкого уровня, которые потом попадают в мир и ко вражде людей между собой добавляют свои возможности. А когда им закрывают свободный путь в мир, маги тянут их к себе могучими заклинаниями.

— Так кто же может закрыть чудовищам путь в мир людей навсегда?!

— Я могу. Ты этого хочешь?

— Да, хочу!

— Закрыть в мир доступ чудовищам из других уровней мироздания?

— Да.

— Подумай. Те чудовища, которые сейчас уже находятся на земле, не смогут быть изгнаны. С ними придется мириться или побеждать их своими силами, потому что никто уже не придет людям на помощь!

— Пусть так! Рано или поздно, люди выбьют всю нечисть нашего мира.

— Подумай. Ты научился открывать пути через небесные сферы, сейчас ты потеряешь это могущество.

— Но перед этим я смогу вернуться на землю?

— Да. Я отправлю тебя назад и только потом закрою доступ на землю из небесных сфер.

— Пусть будет так!

— Подумай! Отказываясь от грядущих бед, ты отказываешься от всех благ, которые боги могли бы дать смертным в будущем.

— Нет таких благ, за которые стоит платить столь непомерную цену!

— Ты прав! Прощай!

Сверкающий всеми цветами радуги вихрь подхватил опешившего киммерийца и понес куда-то с неимоверной быстротой. Мелькали вокруг неясные образы и исчезали в серой пелене, закрывающей все вокруг. И вот Конан оказался на вершине пологого холма, а впереди простиралась широкая равнина. И тянулась по ней грязная дорога к виднеющемуся на

горизонте городу. Холодный мелкий дождик сыпался с беспрозрачно серого неба, а принизывающий ветер принялся старательно продувать киммерийца. Конан поплотнее запахнул плащ и быстрым шагом двинулся к городу.

Ник Орли

Королевское бремя

Конан, король Аквилонии, проснулся с первыми лучами солнца. Просыпаться в такую несусветную рань считалось старыми служителями королевской цитадели совершенно противоестественным для монаршей особы. Но своенравный киммериец не собирался подстраиваться под их привычки. Весь мир просыпается на рассвете, и нет никаких причин человеку выбиваться из естественного ритма жизни. Конан резко откинул роскошное одеяло, встал с широкого королевского ложа и подошел к открытому окну.

Те несколько недель, которые прошли после церемонии коронации, он спал один, и никого не разбудил ранний подъем властителя Аквилонии. На своем богатом жизненном пути варвар никогда не испытывал недостатка в женском внимании и не одна красотка после коротких встреч с ним еще долго потом вспоминала мужскую красоту и силу киммерийца. Но одно дело — естественное влечение мужчины и женщины, и совсем другое — отношения в обществе. Бродяга, искатель приключений легко может оставить женщину и отправиться странствовать дальше, потому что он ничего ей не обещал, и она, пользуясь его щедростью во времена удачи, не может рассчитывать на что-то большее. Король — другое дело. Если он будет пользоваться возможностями государя, чтобы давать своим женщинам деньги или власть, положение в обществе или что-то еще, то найдется множество желающих заработать королевские милости, изображая неземную любовь. Конан не собирался использовать королевскую власть для того, чтобы тупо удовлетворять желания тела ценой опустошения души. Поэтому он воздерживался от случайных связей, надеясь встретить женщину, которая станет ему верной супругой и матерью его детей. Настоящей королевой.

Конан умылся и оделся. Как бы ни пытались старые слуги настаивать на непременном участии в этих процедурах, киммериец отвергал любые обычаи, в которых не видел никакого смысла. Потом он прошел в свой кабинет, сел за стол перед окном и взял стопку пергаментов. Если король не управляет государством, а лишь проводит время в свое удовольствие, то государством будет управлять кто-то другой. И Конану весьма не хотелось когда-нибудь обнаружить, что под его правлением расплодилось бы беззаконие и кто-то его именем пользуется в своих целях. Управление государством оказалось весьма нелегким занятием, и киммериец честно пытался вникнуть во все детали. По его приказу канцлер готовил ему подробные отчеты о поступлении денег в королевскую казну и об их расходе.

— Если Ваше Величество думает, что письменность была изобретена для того, чтобы записывать умные мысли, то это не так, — сказал ему в начале этой работы канцлер Публио. — Долги записывать, вот зачем! Умные мысли передают от учителя к ученику и от поколения к поколению. А вот долги и уплату налогов надо фиксировать и отслеживать. Пусти все на самотек — и казна будет пуста, людишки все по крохам расташат, и нечем будет платить воинам, не на что строить дороги и мосты, крепости и флот. А на слабое государство найдется много желающих пойти войной, ограбить города, взять добычу, оторвать приграничные провинции.

— Это все правильно, — сказал Конан. — Но я хочу знать — сколько Денег уходит на армию, а сколько прикарманивают мои чиновники и сборщики налогов. Я не желаю строить процветание государства ценой нищеты моих подданных!

— Будем строже следить и беспощадно карать нарушителей закона.

— И еще. Я хочу знать, сколько вообще собирается денег в казну и на что они

расходятся.

— Хорошо, я подготовлю все необходимые сведения, — ответил канцлер.

Он исполнил обещание, но Конан чувствовал, что ему дают слишком много документов, чтобы уяснить из них четкую картину. Подати с крестьян и торговые пошлины, налог на соль и дорожные сборы, расходы по всем провинциям. Каждая отдельная цифра ничего не значила, а собрать их в систему он был не в состоянии.

Киммериец почувствовал, что ему в первую очередь нужны верные люди, которым он может доверять, и которые поедут во все города и провинции Аквилонии наводить порядок его именем. Но где взять таких людей? Его старые боевые друзья были верными соратниками и веселыми собутыльниками, но доверить им сбор денег в казну было бы несколько опрометчиво. Оставалось использовать тех людей, что были под рукой, но постепенно заставлять их делать не то, к чему они привыкли за всю свою жизнь, а выполнять королевскую волю, как бы это ни было противно их интересам.

Конан отложил просмотренные документы, поднялся из-за стола и потянулся, хрустя суставами. Потом принял бойцовскую стойку и прошел по кабинету, нанося сокрушительные удары воображаемому противнику. Размявши таким образом, он вышел из кабинета и коротко бросил ожидающему у входа личному слуге по имени Одди:

— Вели подавать завтрак.

Пока прислуга готовила стол, Конан допустил к себе брадобрея, который аккуратно выбрил повелителя, развлекая его рассказами о мелких событиях в городе. Придворные вельможи ему о них не доложат, не считая достойными королевского внимания, но из малых причин порой вырастают большие последствия. Конан считал полезным следить за городскими слухами.

— А правду говорят, что далеко на востоке кочевники никогда не моются? — спросил между делом брадобрей.

— Правда, — ответил Конан. — Но это не значит, что они такие дикари. Все обычаи возникают ведь не просто так. В степях дуют резкие сухие ветры, от них чистая кожа зимой обмораживается, а летом высушивается.

Брадобрей закончил работу, высушил лицо короля свежайшими полотенцами и стал собирать свои принадлежности. Конан в своих многочисленных странствиях привык неделями носить пропотевшую одежду и бриться остро заточенным ножом, но ценил такие блага цивилизации как чистая одежда и горячая вода.

Король с приглашенными к монаршему завтраку вельможами прошел в столовую и принял за еду, попутно обсуждая дела государства. Королевские повара не могли в полной мере проявить свое прославленное искусство — киммериец требовал подавать простую здоровую пищу, а утонченные соусы и фаршированная дичь готовились теперь только для больших приемов или обедов для важных гостей.

— За время неурядиц в Аквилонии на границе с Аргосом и Зингарой стало неспокойно, — рассказывал Просперо. — Развелось большое количество банд, которые нападают на деревни и даже на города. Торговцы, везущие товары из Вендии и Кхитая морским путем, поднимают цены, потому что им приходится платить разбойникам отступные или нанимать сильные отряды для охраны. А я не могу провести большую облаву, потому что тогда приграничные города останутся без охраны.

— Что же ты хочешь? — спросил Конан. — Получить для подкрепления войска? Я пока не могу этого себе позволить — в Немедии неспокойно, и войска могут понадобиться на

восточной границе. Ты можешь набрать дополнительно солдат в Пуантене?

— Мне будет это позволено? — заинтересованно спросил граф.

— А почему нет? — удивился киммериец.

— Прежними королевскими указами мне было разрешено держать войска лишь для защиты моих крепостей.

— Почему?

— Потому что большое войско не может сидеть без дела. Или солдаты дуреют и начинают обижать местных жителей, или их командиры проявляют неуместную инициативу и сами начинают делать вылазки на соседнюю территорию. Чтобы у меня не было возможности втянуть Аквилонию в дополнительную войну, меня и ограничивали в численности войск.

— Набери наемников, — посоветовал Конан. — Вооружи их, дай своих командиров, хорошо заплати. И пусть они выжгут разбойничьи гнезда дотла.

— Хорошо, государь. Я немедленно займусь этим.

— Одних разбойников выбьем, а других разведем, — пробормотал канцлер с кислым видом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил король.

— Я просто полагаю, что граф Просперо мог бы справиться с разбойниками и теми солдатами, которые у него есть.

— Легко рассуждать, сидя за крепкими стенами столицы! — вспылил Просперо. — Если бы это была вражеская армия, я разбил бы ее в поле. А в горах и лесах мои малые отряды заманят в ловушки и засады. И большие силы я собрать не могу — бандиты отступят и ударят на крепости, оставленные без солдат.

— Все! — прервал ссору король. — Я разрешаю графу Просперо набрать наемников для борьбы с бандитами, но за порядок в провинции он ответит лично передо мной!

— Есть ли новости из Немедии? — спросил он у Паллантида, командующего гвардией.

— По моим сведениям, они потихоньку увеличивают гарнизоны пограничных крепостей, готовят дороги и мосты. Полагаю, что в недалеком будущем нам не избежать войны с Немедией.

— Как же это Немедия начнет с нами войну? — язвительно спросил канцлер Публио. — Немедийская возвышенность менее плодородна, чем равнины Аквилонии и мы постоянно продаем им наше зерно. Мы же в случае войны немедленно прекращаем поставки продовольствия, и их армия остается голодной!

— Победоносная война изменит ситуацию в их пользу, — пожал плечами Паллантид, — Я, правда, не знаю, на что они рассчитывают, наша армия не слабее немедийской. Но они закончили давние распри с Бритунией и Пограничным королевством, а теперь перебрасывают войска на нашу границу.

— Но их войско не сможет прорваться вглубь Аквилонии мимо наших крепостей?

— О, нет! Им придется встретиться с нашей армией в поле, и битва будет проходить там, где мы этого пожелаем. Потому я и не сомневаюсь, что мы сможем их разбить.

— Это хорошо, — медленно произнес Конан, — Но подготовка к войне должна вестись без излишней самоуверенности. Нет ничего хуже, чем недооценить противника, считая его слабее себя. Я хочу, чтобы в моих войсках были созданы отряды хорошо подготовленных лучников. Я знаю, что сила аквилонской армии основывается на сокрушительной атаке тяжелой конницы, но бывают ситуации, когда стрелковое прикрытие оказывается жизненно

необходимым. И для этого мне нужны тщательно отобранные и обученные стрелки. Потому что когда они понадобятся в битве, за все золото мира нельзя будет найти то, что не приготовлено заранее.

— Я распоряжусь, государь, — согласился Паллантид. — Хотя подготовка лучников потребует больших усилий и постоянной тренировки. Это ведь не ополченец, которому можно дать в руки оружие потяжелее и поставить в строй. Вообще-то, атака конных рыцарей в тяжелых доспехах пробивает строй вражеского воинства, а смятое войско сражаться не в состоянии. Тогда один наш рыцарь может поразить десятки врагов.

— Все так, — сказал Конан. — Но пока рыцари боятся копье на копье и меч на меч, они наносят удары врагу и сами получают в ответ. А лучники бьют противника, не получая ответных ударов. Хорошо подготовленный лучник выпустит десяток стрел, пока атакующие враги смогут достать его. А отряд лучников может сорвать атаку даже тяжелой конницы. Мне вообще не нравится решение атаковать вражеское войско, подготовившееся к битве. Они ведь тоже знают силу удара наших рыцарей и могут подготовить какие-нибудь хитрости. Врага надо заставлять врасплох и бить во фланг, в тыл, а не переть напролом. Я бы с большим удовольствием создал отряды конных лучников, которые могут уходить от противника и поражать его стрелами без ущерба для себя. Но этим мы займемся несколько позже, конного лучника подготовить еще сложнее. Пусть пока будут пешие отряды под прикрытием ополченцев.

* * *

Моишин, глава крупнейшего торгового дома Тарантии, собирался на прием в королевский дворец. Он надел камзол из черного бархата, ношеный, но чистый и опрятный, повесил на шею золотую цепь, поправил на голове шитую золотом шапочку и позвал телохранителей. Все детали были тщательно продуманы. Богатство, не бросающееся в глаза, властность, скрытая неприметной внешностью, как булатный клинок в потертых ножнах. Пожилой уроженец Шема вел дела в Аквилонии не первое десятилетие и куда лучше короля представлял себе детали государственного устройства страны. Торговый дом занимался поставками зерна в Немедию и корабельного леса в Аргос, контролировал поставки товаров с Востока и рабов на Юг.

Новый король Аквилонии может стать для Торгового дома источником большой опасности или возможностью заработать огромные деньги. И Моишин шел на встречу с королем, как рыцарь идет в бой. И как могучий воитель уверен в своей победе, так старый шемит был уверен в успехе своей миссии.

Каждый правитель стремится совершить великие деяния и прославиться ими в умах современников и памяти потомков. А для этого нужны деньги. Большие деньги. А взять их больше негде, кроме как у торговцев. Подданные приносят в казну основной доход, но ни земледелец, ни большинство ремесленников не имеют дела с золотом. Они могут расплатиться с казной, лишь продав свой товар торговцам. Реки медных монет сливаются в ручейки серебра и оседают золотыми монетами в королевской казне, но без торговцев обойтись невозможно. Собирать с сотен тысяч людей налоги зерном и мясом, одеждой и железными изделиями невозможно. Поэтому услуги Торгового дома заменить просто нечем!

Моишин подошел к воротам королевской цитадели и велел телохранителям ждать его. О

его визите, естественно, были извещены и без заминки провели к королю. Конан встретил гостя на троне в полном королевском облачении. Мысленно улыбнувшись, Моишин одобрительно оценил действия советников короля. Варвар на троне Аквилонии пытался заранее поставить торговца на место, показав ему его ничтожность перед престолом повелителя.

В учтивейших выражениях шемит приветствовал короля и заверил его в безусловном стремлении следовать высочайшей воле в делах обустройства государства Аквилонского.

— Я при этом надеюсь, — продолжал Моишин, — что наш Торговый дом будет так же успешно работать в державе великого короля и наши привилегии не будут ущемлены. В свою очередь, я готов предложить королю финансирование неотложных государственных нужд на самых льготных условиях. Я готов завтра же внести в королевскую казну двадцать тысяч золотом.

— Самые льготные условия вашего Торгового дома обрачиваются потом немалыми прибылями для него, — заметил канцлер.

— Но мы же не можем работать даром, — удивился шемит. — Мы вкладываем свои деньги и рискуем, мы делаем большую работу, которая необходима государству. Вы ведь прекрасно понимаете, что если не давать торговцам свободно покупать и продавать товары, то никому от этого хорошо не будет! Крестьяне и ремесленники не смогут получать то, что им необходимо, товары будут лежать на месте без дела, портиться, пропадать, а люди будут терпеть лишения и осаждать властителей с жалобами на свои бедствия. И самое обидное, что это будет сделано из неразумного стремления ограничить доходы купцов. Легко считать чужие деньги. Но сколько трудов приходится приложить, чтобы их заработать!

— Это интересная мысль, — сказал король Конан. — Я хорошо представляю, сколько должен работать земледелец, чтобы прокормить свою семью и заплатить налоги. Я знаю, как зарабатывают деньги мастера в городах. Неужели работа купцов настолько тяжела и сложна, что они по праву оказываются самыми богатыми людьми в любом государстве? Не вернее ли было бы предположить, что их богатство создано не непомерными трудами, а собрано с моих подданных путем бессовестного обмана? Если у крестьянина покупают зерно по заниженной цене, то он просто не знает, сколько заработает купец на перепродаже. Или не может продать товар тому, кто даст более справедливую цену. Если заемщик не может расплатиться с вами по займу, то его собственность достается вам за половину цены. И это еще в лучшем случае!

— Но сделка есть сделка, — слабо попытался возразить Моишин. Он почувствовал, что варвар на троне Аквилонии не так глуп и переводит спор в такую плоскость, где все заготовленные доводы оказываются неприменимы. — Мы ведь никому не навязываем свои условия...

— Как не навязываете! — возмутился канцлер Публио. — Именно навязываете. Если вы отплачиваете налоги графства с условием вести торговлю зерном и солью, то и цены на них устанавливаете по своему усмотрению. А помимо Торгового дома торговать оказывается невозможно!

Купцу очень хотелось сказать, что знать тоже получает доходы со своих земель, не прилагая для этого особых усилий, но он благоразумно сдерживал в себе этот порыв. Можно сказать правду в глаза власть имущим, но только ничего хорошего от этого он не получит. И это еще мягко сказано.

— Но я ведь уже говорил, — продолжил он. — Можно разогнать Торговый дом и

отобрать в казну накопленные им богатства. Но разрушение торговли потом обернется такими убытками государству, которые многократно перекроют сегодняшнюю добычу. Зачем это делать? Я добровольно готов внести в казну тридцать тысяч золотом!

— Успокойся, мессир, — сказал Конан. — Деньги в казну ты внесешь. И Торговый дом разгонять я не буду. Хотя у меня есть все основания для такого решения. Но я не хочу начинать свое правление произволом. Аквилония достаточно богата и сильна, чтобы ее жители обеспечивали ее всем необходимым без грабежа и насилия. Но если я узнаю, что твои люди обманом принуждают моих подданных к кабальным сделкам, то на тебя обрушится не королевский произвол, а королевское правосудие. Все понятно?

Моишин медленно склонился в почтительном поклоне. Он был растерян и разбит. Получив разрешение удалиться, он отправился домой, обдумывая происшедшую беседу с королем. Похоже, что ему выпало пережить большие перемены в Аквилонии. Хорошо, что богатства Торгового дома не подвергнутся разграблению. Такая опасность существовала всегда, но риск оправдывался высочайшими доходами от работы в этой стране. Плохо, что король собирается контролировать их деятельность. Конечно, можно будет подкупить королевских проверяющих, но если такое откроется, то последствия могут быть непоправимыми. Варвар не шутил о королевском правосудии. Моишин предпочитал использовать судебную систему для того, чтобы зарабатывать деньги, а не отвечать перед ней. Тем более отвечать своей головой и головами своих родичей, управляющих многочисленными отделениями Торгового дома.

Если у киммерийца на троне Аквилонии будет достаточно времени для осуществления своих замыслов, то страна сможет сильно измениться. Нужна война! Война или какое-то большое бедствие, чтобы король Конан был вынужден заниматься решением неотложных проблем. Чтобы ему требовались деньги. Много и сразу. Но нельзя при этом допустить, чтобы в грядущих событиях прослеживалось влияние Торгового дома. Надо будет связаться с наследниками предыдущего короля Аквилонии, собрать сведения о похождениях киммерийца, установить контакты с магами Шема и Стигии. Пусть варвар не надеется на спокойную жизнь!

В королевском дворце канцлер пытался склонить Конана к тому, чтобы все же привлечь к суду шемитских торговцев и конфисковать их богатства. Сам канцлер был должен им немалые деньги и знал, что многие знатные люди тоже обрадовались бы истреблению своих кредиторов.

— Ущерб от нарушения торговли не будет так уж велик, — говорил Публио. — Торгаш просто преувеличивает свою незаменимость. Не будет его, тут же появятся новые люди, которые займутся той же самой торговлей. Только это будут уже не поганые инородцы, а наши коренные аквилонцы. И аквилонское золото будет оставаться в стране, а не утекать за границу.

— Слишком сильное средство, — возражал киммериец. — Легко разрешить людям грабить и предавать, но на кого потом можно будет опереться в тяжелое время? Я еще мог бы пойти на это, если бы государству грозила смертельная опасность и не было другого выхода. Но устраивать произвол только потому, что мне довольно легко будет этим достичь каких-то второстепенных целей, я не намерен!

Капитан Мольес, начальник стражи аквилонской столицы, вышел из залитого нечистотами заднего двора третьеразрядной таверны в одном из бедных районов города. Место не самое подходящее для важному человеку, но только на взгляд дилетанта. Охрана королевской цитадели и городских ворот осуществляется обычным порядком и не требует постоянного контроля начальника. Патрулирование улиц и охрана порядка — вообще дело королевских сержантов. А начальник занят более серьезными вещами. Он должен быть в курсе тех событий, которые не выплескиваются на поверхность, а добросовестно скрыты от посторонних глаз.

Заговоры знати и буйство черни должны быть замечены до того, как они станут необратимыми. Большая часть тайных планов рушится именно потому, что они становятся раскрытыми до срока. И большинство бунтов можно погасить в зародыше, своевременно применив либо силу, либо подкуп к зачинщикам беспорядков.

Капитан встречался в таверне со своими осведомителями. Каждому ясно, что тайные сведения о поступках важных персон должны передаваться так, чтобы этого не видел никто из посторонних зрителей. Потому что самые безобидные слова, сказанные между делом, часто могут по самой неожиданной цепочке дойти до человека, для которого они окажутся чрезвычайно важными.

Мольес приходил в таверну через дом, расположенный на соседней улице и примыкающий к заднему двору таверны. Он проходил в специально отведенную для него комнату, и туда же через общий зал таверны приходили его люди. А уж кто, куда и зачем здесь идет, народ был спрашивать не обучен. Надо — значит, идет. Тому, кто суется в чужие дела без спросу, быстро укоротят любопытный нос.

Агенты Мольеса получали от него оплату каждый по своему положению, кто битой медью, кто чистым золотом, кто информацией, а кто удовлетворялся тем, что его в свое время оставили в живых. Капитан умел подбирать себе осведомителей. И умел их с толком использовать.

В столице постоянно происходят события, которые нельзя выпускать из-под контроля. Обедневшие дворяне вечно ищут возможности восстановить утраченное величие, ввязываясь в разнообразные авантюры. Богатые вельможи с тем же безрассудством стремятся превзойти равных себе в богатстве и роскоши, славе и власти. Гадючник. В этой мутной воде можно выловить все, что угодно. В погоне за избыточным они часто жертвуют необходимым, а если и добиваются успеха, то часто совершают при этом поступки, за которые потом им приходится долго расплачиваться. У каждого найдется своя коллекция мрачных тайн. А светлых тайн вообще не бывает.

Король Конан принял капитана Мольеса в своем кабинете наедине. Право короля обсуждать любые проблемы со своими советниками, но доклад тайной полиции должен быть тайным. Это условие капитан поставил перед киммерийцем сразу и безоговорочно. Иначе секреты будут утекать, а работа агентов окажется бесполезной.

— Что слышно в народе? — благодушно спросил Конан, приветствовав Мольеса.

— Услышать можно все, что захочешь, — пожал плечами тот. — Всегда найдутся дураки и блаженные, восторженные приверженцы и упертые недоброжелатели. Но в целом настроение в столице спокойное. Народ надеется, что Аквилонии удастся прожить хоть несколько лет без войн и прочих бедствий. Ремесленники загружены заказами, неплохо зарабатывают сами и могут платить наемным помощникам. Торговля успешна, цены на продукты терпимые. Так что положение в стране устойчивое.

— Однако есть и какие-то проблемы? — догадался Конан не столько по словам капитана, сколько по его недомолвкам и интонациям.

— Проблемы есть всегда, — Мольес мягко уклонился от прямолинейного ответа, разжигая интерес повелителя, и продолжил: — Есть люди, которые при прежнем короле имели большое влияние, и они не перестают вынашивать планы восстановления на престоле Аквилонии наследников старой династии.

— Хотеть они могут, — усмехнулся Конан. — Но есть ли у них какие-нибудь возможности для осуществления этих планов?

— Пока что это только разговоры, — согласился капитан. — Но они будут искать удобный случай. А кто ищет, тот находит.

— Что же они могут найти?

— Обычные приемы, чтобы освободить трон. Яд в бокале дорогого вина. Кинжал в спину от купленного телохранителя. Ловушки. Магия.

— Что тебе известно об их магических возможностях? — нахмурился Конан.

Больше всего на свете он не любил, когда против него применяли магию. Киммериец предпочитал встретиться с любым самым страшным противником лицом к лицу, чем попасть под действие магических чар. Ему удавалось с честью выходить из таких ситуаций, но даже те немногие моменты, когда вражеская магия делала его совершенно беспомощным, отравляли ему радость от одержанных в итоге побед.

— Пока почти ничего, — ответил капитан. — Я знаю, что заговорщики ищут возможности привлечь к себе магов Стигии и Шема. Но насколько они преуспели в этом, мне пока не удалось выяснить.

— Что ты предлагаешь? — варвар был сосредоточен и серьезен.

— У меня есть список заговорщиков, — медленно начал Мольес. — Самое благоразумное — схватить их, пока они не сумели получить возможность реализовать свои планы.

— А что с ними делать потом? — взгляд киммерийца стал пронзителен и суров.

Мольес понял, что наступил критический момент. Конан ненавидит магию и вполне готов для того, чтобы согласиться начать истребление своих противников. А это даст в руки начальника стражи абсолютное оружие. Получить из рук Короля право распоряжаться жизнью и имуществом любого человека, — что может быть лучше?! Любой твой враг может быть повержен в полное ничтожество обвинением в покушении на престол. Любой вельможа будет просить как о милости возможности быть полезным карающей деснице правосудия.

— Казнить, — твердо произнес начальник стражи. И, чтобы закрепить свой вывод, начал объяснять королю преимущества такого решения. — Истребление заговорщиков даст отличную возможность запугать врагов и окружить себя верными сторонниками. Имущество их, и немалое имущество, пополнит казну. Для великих свершений понадобится много денег, а среди заговорщиков много богатых людей.

— Выделить долю доносчикам, — тихо подсказал Конан.

— Непременно! Тогда никто не останется в стороне от бдительных взоров окружающих.

— А кто сказал тебе, капитан, что я собираюсь прославить свое царствование великими свершениями? — голос короля был полон холодной ярости. — Что такое великие свершения? Могучая армия, которая сокрушит соседние королевства и создаст великую империю, которая развалится на куски после моей смерти? Это вполне достижимо, но зачем

мне это? Или мне прославиться строительством грандиозных сооружений? Вроде пирамид в Кеми? Вбухать в их строительство все силы и средства, надуваясь от гордости как павлин? И ради этого ты предлагаешь мне устроить в Аквилонии беспощадную резню? Казнить людей только за то, что они думают обо мне не то; что мне хотелось бы? И ради этого расплодить доносчиков и лжесвидетелей, которые будут подводить соседей под топор, чтобы получить часть их имущества? Да не будет мое имя покрыто таким позором!

Мольес понял, что допустил серьезную ошибку. Гнев и страх, вспыхнувшие в его душе, не отразились на его лице, но он почувствовал, что покрывается потом. Надо было немедленно исправлять положение. Он почтительно поклонился и, демонстрируя почтительное понимание, вдумчиво произнес:

— Я покорнейше прошу повелителя не гневаться за чрезмерное усердие его слуги. Но я должен буду продолжать следить за заговорщиками, пока не смогу представить на суд доказательства их противоправных действий?

— Именно так! — рявкнул Конан. — Я полагаюсь на твой бесценный опыт, капитан, и буду карать преступников по их вине. Но по одному лишь подозрению, что они плохо обо мне думают, я не могу арестовывать и казнить людей. Я понял, что ты мне предлагал. Страшное средство — разрешить людям расправляться со своими врагами посредством доноса и клеветы. Действительно мощный способ для того, чтобы добиться поставленной правителем цели. Но пойми, Мольес, что навязано людям силой, обречено в скором времени рассыпаться в прах! Мне не нужна краткая слава людоеда. Я сделаю все, чтобы мои мечты сбылись, но не боюсь, что они не сбудутся. Я надеюсь, что ты действительно хотел дать мне возможность добиться желаемого, но это средство не для меня. Пусть от этого тебе придется приложить больше усилий для того, чтобы обеспечивать безопасность столицы, но не надо искать слишком легких путей. Они не ведут к достойной цели.

Капитан последовал за киммерийцем в расстроенных чувствах. С одной стороны, король не позволил ему реализовать его честолюбивые замыслы. Но при этом он не лишил его поста, на котором Мольес все же имеет достаточно большие возможности.

Он еще придет к королю с раскрытыми настоящими заговорами. И поразит врагов киммерийца, и добьется уважения и признания своих заслуг!

Конан занял свое место и приказал звать верховного жреца Матиатида. Тот вошел в сопровождении двух прислужников. Пожилой человек высокого роста с бледным лицом и тусклым взглядом был одет в расшитую золотом мантию. Степенно приблизившись к трону, он приветствовал короля.

— Милость великого Митры способствовала одолению врагов государства и введению на престол Аквилонии величайшего из королей, — сказал он. — И чтобы впредь благоволение нашего небесного покровителя не оставило смертных, нам надлежит не забывать в дни благополучия отдавать ему должное.

— Несомненно, — кивнул Конан.

Благостный Митра никогда им особо не почитался, суровый киммериец превыше всех богов почитал Крома.

Но королевский трон не лучшее место для религиозных диспутов. Митра вполне подходящий бог. Вот темным богам киммериец не стал бы совершать предписанные обряды.

— Через два дня в главном храме столицы будет проходить обряд, посвященный Великому Митре, — продолжал тем временем жрец. — Вашему величеству надлежит принять в нем участие, чтобы народ мог убедиться в божественной поддержке избранного

повелителя Аквилонии. Для этого я прошу посетить храм накануне, чтобы служители храма объяснили все подробности обряда.

— Я обязательно буду, — ответил Конан.

— Хорошим предзнаменованиям весьма способствуют богатые подарки храму, — продолжал Матиатид. — Подарки, которые должны быть воистину достойны короля Аквилонии.

— Подожди, почтеннейший, — нахмурился киммериец. — Я вовсе не против подарков храму, но на престоле Аквилонии мне достались не сундуки, полные сокровищ, а многочисленные проблемы, для решения которых нужны время и деньги. Много денег! Мне важнее укрепить безопасность страны, чем украсить храм!

— Красота и величие храма — это не пустая роскошь, — твердо возразил жрец. — Ничто так разрушающее не действует на умы людей, как прозябанье священнослужителей и упадок храмов. И ничто так не воодушевляет их, как величие образов, которые открываются им перед лицом Великого Митры. Если люди заботятся только о своих телесных потребностях, то они превращаются в бессмысленных скотов. Люди не свиньи, чтобы знать только свою кормушку, им необходимо видеть звездное небо над головой и величие храмов своих богов. Тогда они готовы работать и сражаться, тогда страна становится великой и непобедимой.

— До тех лишь пор, пока люди и в самом деле верят в силу обрядов. Когда их выполнение превращается в обязательный ритуал, вера умирает, не так ли?

— Так вот мы и делаем все возможное, чтобы не слабела вера в сердцах людей!

— И что-нибудь получается?

— А кто может это определить? Мы просто смиренные служители Митры и делаем лишь то, что в наших силах.

— Ну, хорошо. Так что же все-таки с подарками храму? Я не могу отдать деньги, предназначенные для оплаты неотложных надобностей государства.

— Храм не настаивает на том, чтобы получить деньги или драгоценности. Король может пожаловать храму часть земель короны. Доходы пойдут храму постепенно.

— Нет! — твердо ответил Конан. — Доход ведь дает не земля сама по себе, а люди, которые работают на ней. Я не буду отдавать людей в зависимость кому бы то ни было. Вот что, часть коронных драгоценностей мне все же досталась. Я передам их храму при условии, что они останутся в нем и впоследствии будут выкуплены обратно. Хорошо?

— Пусть будет так, — склонился в поклоне Матиатид. Он был разочарован, но умело скрывал это.

— У тебя есть еще какие-нибудь пожелания или известия?

— Да. В последнее время служители Митры чувствуют ослабление веры и уход людей к проповедникам других религий. Мы просим короля Аквилонии принять меры к тому, чтобы оградить страну от вредоносного влияния извне.

— А сами вы не в состоянии убедить людей, что лучше поклоняться Митре, чем чужим богам? — нахмурился Конан. — Трудно людей заставить во что-то верить!

— Речь не о том, — поправился жрец, — Мы говорим о последователях темных культов, которые обещают своим людям магическую поддержку и покровительство. Они обманывают простаков, обещая им немереное могущество, умалчивая при этом, чем им придется расплачиваться за исполнение обещанного. И злое колдовство отдает людей во власть темных сил.

— Ты можешь сказать, кто этим занимается? — грозно спросил король.

— Да. Недавно мы застали недалеко от столицы стигийских магов, которые приносили в жертвы демонам преисподней людей. Покупали рабов и убивали их во исполнение черных обрядов. Мы сорвали им ритуал и разогнали их, но у нас не было воинов, чтобы схватить нечестивцев на месте.

— Ты слышишь? — обратился Конан к капитану. — Вот тебе достойная цель. Пусть твои люди выслеживают этих магов и ведут на мой суд. Я не потерплю, чтобы в Аквилонии приносились человеческие жертвы!

— Будет исполнено, повелитель, — склонился в поклоне Мольес. Вот и появился у него шанс проявить себя перед королем.

— Кстати, — обратился Конан к жрецу, — вы в храме тоже, наверное, магией занимаетесь?

Матиатид замялся. Ненависть короля к магам была общеизвестна и признавать занятия магией было рискованно. Но отрицать это было бы просто глупо. Киммериец, без сомнений, поймет, что его обманывают, и только укрепится в своих подозрениях.

— Наша магия берет силу от обращения к светлым богам, — осторожно сказал жрец.

— Я тебе, конечно, верю, — мягко сказал Конан. — Но передай всем заинтересованным людям — я не собираюсь запрещать занятия магией всем подряд. Пока маг помогает людям бороться с порождениями зла, пусть будет спокоен. А вот если он вздумает искать силы и могущества в привлечении сверхъестественных сил, я его уничтожу. Никогда из этого не выходило ничего, кроме смерти и бедствий для людей. Так что пусть даже и не пытаются.

— Мудрость повелителя безгранична, — Матиатид с облегчением склонился в глубоком поклоне.

— Если у тебя все, то можешь быть свободен.

* * *

Ранним солнечным утром отряд всадников выехал из главных ворот Тарантии и скорой рысью отправился на восток. Два десятка воинов в полном боевом снаряжении сопровождали короля Конана Аквилонского и нескольких его спутников, среди которых было два чиновника из людей канцлера Публио, пара жрецов из храма Митры — грамотеи и любознатцы, и посланец, который доставил в столицу сообщение о том, что с неба на землю Аквилонии опустился неведомый объект.

Место его посадки оказалось неподалеку от Гарантии, и довольно скоро королевский отряд выехал к указанному месту. Равнина с полями и деревнями здесь переходила в холмистую возвышенность, покрытую лесами. Леса, правда, были основательно вырублены в последнее время — на строительство и на дрова. На одной из старых вырубок лежала гигантская болванка темного металла. В длину она достигала три сотни шагов, а в ширину полусотни. Высоту ее Конан оценил в четыре своих роста. Форма болванки была каплеобразная.

Навстречу королю подъехал стражник из числа тех, которые окружали вырубку редкой цепочкой охраны.

— Рассказывай! — приказал Конан.

— Так что вчера под вечер эта штука появилась в небе со стороны юго-востока,

пролетела, постепенно снижаясь, и опустилась вот сюда.

— Как быстро она летела?

— Да довольно неторопливо. Раза два можно было сосчитать до ста. И спускалась она не круто, а по пологой дуге. Когда снизилась, замедлила свое движение, и опустилась уже совсем медленно. И гудела при этом так, что уши закладывало. А когда опустилась, гудение медленно стихло.

— Что еще особенного наблюдалось при этом?

— Ну, еще было слабое свечение вокруг нее, пока она по небу летела. Мы-то в деревне были, а когда увидели эту штуку, я свой десяток собрал, послал гонца в город, а сам двинул посмотреть, что это тут будет. Видно же, что это не просто глыба металла, пусть даже поднятая в небо магией какого-нибудь колдуна. Мало ли что из нее может появиться?

— Верно рассуждаешь, — похвалил воина Конан. — А к самой болванке подъезжали?

— Подходили. Штука эта под своим весом потихоньку уходит в землю, хрустят сминаемые сучья, но больше никаких звуков от нее не доносится. Да, еще она немного теплая. А металл весь как будто источенный с поверхности — где глубокие ямки и бороздки, а где просто матовая оболочка. Но поверхность болванки без швов или разъемов. Монолит.

— Стучать пробовали?

— Нет. Побоялись.

— А это что там поблескивает?

Конан увидел, что на тусклом металле появился стеклянный отблеск, мигнул и снова возник.

— А не было ничего такого, — смутился воин. — Наверное, только сейчас появилось. Похоже, внутри кто-то есть. Какой-то это воздушный корабль получается.

Конан сделал знак воинам сопровождения и распорядился:

— Четверо вперед. Десяток пусть будет позади с луками наготове, остальные прикрывают нас с флангов.

Конан со свитой последовал за четверкой разведчиков, которые подъехали к небесному кораблю почти вплотную. В металлической громадине вдруг возникла темная полоса, ограничивающая прямоугольник на некотором возвышении над уровнем земли, в которую уходило дно корабля. Беззвучно скользнули в стороны толстые металлические пластины, медленно выдвинулась вперед площадка из блестящего металла, огражденная прозрачным бортиком, и из недр корабля вышел человек.

Он был невысокого роста, облачен в одеяние из плотного серого материала без швов и отверстий. Бледное лицо его имело черты вроде бы вполне обычные, но никто не принял бы его за уроженца любой из известных стран. Он громко произнес несколько слов на неизвестном языке, потом рядом с ним развернулось широкое белое полотнище, на котором тут же возникло яркое изображение обширных построек, наблюдаемых с дальнего расстояния.

Среди строений лежал воздушный корабль, в который вошли несколько человек. Вход плотно закрылся и корабль стал быстро подниматься над землей, пролетая над полями и озерами, оставил землю далеко внизу и устремился, все ускоряя движение, в непроглядную черноту, пробитую лишь светом звезд. Солнце, остававшееся сбоку, быстро исчезло где-то позади. Потом одна среди звезд превратилась в маленькое пятнышко и вскоре стало понятно, что это солнце. Другое солнце. Оно явно отличалось от первого более желтым оттенком. Корабль устремился еще к одному светлому пятнышку возле солнца, которое разрослось,

надвинулось, и Конан узнал в появившейся картине равнину Аквилонии, окружающие ее горы, ее реки и города.

— Они из другого мира, — восхищенно произнес один из жрецов.

Тем временем на полотнище стали возникать простые картинки — солнце, корабль, человек, а человек из корабля стал громко и отчетливо называть их. Потом он обратился к зрителям, явно ожидая, что они тоже будут называть эти картинки на своем языке.

— Он хочет учиться нашему языку, — сказал один из воинов первого ряда, поворачиваясь к Конану.

— Конечно, — ответил киммериец. — Но если они совсем не знают нашего языка, то это будет довольно долго. Кому-то надо будет остаться здесь. Учить их язык и учить их нашему.

— Мы останемся, — выразился один из жрецов.

— Хорошо. Я оставлю вам десяток воинов. Они будут вас охранять и устроят лагерь неподалеку. Но имейте в виду — я не хочу, чтобы они усвоили наш язык лучше, чем мы — их. Это даст им некоторое преимущество, поэтому обмен словами должен идти в обе стороны одинаково. Я бы вообще предпочел взять одного из них в столицу и вести переговоры там — медленно и вдумчиво. Но брать его силой мне не хочется, мало ли какими силами они могут управлять, если уж сделали звездный корабль.

Король обернулся к чиновникам канцлера:

— Вы тоже остаетесь здесь. Участвовать в изучении языка, но при этом вы должны понять цели чужемирцев. Зачем они прилетели к нам. Что их интересует. Каковы их планы. Каковы их возможности. Что мы можем получить от них, и чем за это придется расплачиваться. Вы должны следить, чтобы никто из наших людей не выполтал чужакам чего-либо лишнего. Я не знаю, что это может быть, но вы люди опытные и сами должны будете сообразить.

Конан распорядился половине своих воинов сопровождения оставаться здесь и ставить в некотором отдалении от звездного корабля полевой лагерь, везти из ближайшей деревни продукты и посуду, велел послать гонца в Тарантию, чтобы оттуда прислали еще пару десятков воинов. Киммериец не хотел выпускать действия пришельцев из-под плотного наблюдения.

Он медленно поехал по окрестным вырубкам, держа корабль в поле зрения и прикидывая возможные подходы к нему. Конан напряженно размышлял о том/ что может быть нужно людям, которые могут летать меж звезд? Что можно будет им противопоставить, если они окажутся завоевателями? Стрела и меч возьмут их так же, как и всех прочих людей. Но если они закроются в корабле, то никакая катапульта не прошибет стальную оболочку. А сила, способная двигать такую машину, сможет сокрушить любое воинство. И опустился корабль на холме, его не удастся, например, затопить водой. Мысли Конана становились все более мрачными. Обладающий силой способен навязать свою волю более слабым. Как можно будет им сопротивляться?

* * *

Несколько дней Конан провел в напряженной суматохе непрерывных дел. Праздник в главном храме столицы и прием гостей, донесения из провинций и переговоры с

магистратом, обращения баронов со своими проблемами и беседы с людьми, назначаемыми королем на государственные должности. Киммериец убеждал и требовал, объяснял и орал на особо упрямых. Начальник стражи принес известие о готовящемся покушении на государя Аквилонии и своих немыслимых усилиях по установлению заказчиков. Наконец, король выбрал время съездить к кораблю пришельцев. Конан нагрянул без предупреждения, но остался доволен организацией охраны. Нападения врагов ждать не приходилось и солдаты, конечно, бездельничали, но оцепление было выставлено, и государя встретили в полной боевой готовности.

В обустроенным лагере сидели жрец с чиновником и, перебирая листы пергамента, бубнили непонятные слова.

— Язык учите? — спросил Конан, — И как уже продвинулись?

— Неплохо продвинулись, государь. Но чужемирцы учатся быстрее. Они, похоже, с одного раза запоминают слова и если переспрашивают, то только для того, чтобы точнее уяснить смысл нашего слова. А мы записываем их слова и потом учим.

— Так с ними уже можно будет нормально говорить, или еще нет?

— Можно. Они уже хорошо говорят по-нашему.

— И чего они хотят, говорили?

— Мы пока в основном занимались языком. А вот чего они просили, так это дать им разных наших растений и животных.

— Зачем? В пищу?

— Насколько мы поняли, нет. Им были нужны живые существа, а не мясо. Мы пока не стали им ничего давать — мало ли зачем им это нужно. Но они зачерпнули небольшой кусок земли и унесли ее внутрь корабля.

— Хорошо. Я сам с ними об этом поговорю. Как они себя называют?

— Тот, с которым мы учим язык, зовется Сути. А свой народ они называют Артис.

Конан прошел к звездному кораблю, где вторая пара аквилонцев вела разговор с пришельцем, старательно записывая каждое новое слово. Увидев приближающегося короля, они прекратили свое занятие и почтительно приветствовали государя. Сути со своей площадки обратился к нему:

— Я рад встрече с великим королем Аквилонии.

Говорил он вполне отчетливо, но чуткое ухо киммерийца уловило небольшую заминку перед каждым произносимым словом и некоторую безжизненность интонаций.

— Если вы настолько хорошо изучили наш язык, — сказал Конан, — то нам пора уже поговорить о серьезных вещах. Насколько я понимаю, полет между звезд — дело нелегкое и недешевое. Что вы хотели найти в нашем мире? Какая у вас цель?

— Мы хотели узнать, есть ли у других звезд миры, подобные нашему, — ответил Сути. — Познание мира — высшая цель деятельности разумных существ.

— Ну да, — Конан согласно покивал головой. — Но вот вы увидели наш мир. И что дальше? Вы хотите торговать? Тогда что из наших товаров может быть вам нужно? Я сомневаюсь, что вам нужны золото и драгоценные камни?

— Да, — согласился Сути, — наш корабль стоит больше, чем если бы он был сделан из чистого золота и наполнен алмазами.

— То есть в честном обмене нам нечего вам предложить. А зачем вам понадобились наши животные и растения?

— Чтобы узнать, как они устроены.

— Зачем?

— Наши болезни могут оказаться опасны для вас, а ваши — для нас. Понимаешь? Все живое в каждом из миров приспосабливается к своим болезням, а чужие организмы могут оказаться в ином мире смертельно опасными. Поэтому мы не выходим из корабля, пока не проверим, безопасно ли это.

— Может оказаться, — медленно произнес Конан, — что из вашего корабля выйдет зараза, которая оставит на месте нашего мира гигантское кладбище?

— Да. Но мы не допустим такого. Мы сначала должны изучить устройство живых существ вашего мира и исключить опасность заражения.

— Зараза или есть или нет. Что тут можно сделать?

— Мы можем изменять свойства живых организмов и их чувствительность к болезням.

— То есть можете сделать лекарство против определенной болезни?

— Да.

— Но тогда вы можете сделать и болезнь? Наделить живое вредоносными свойствами?

— Но нам это не нужно!

— А что же вам нужно?

— Знания! Знание о том, как устроен мир, дает нам возможность использовать движущие силы природы в своих целях. Мы обеспечены пищей и одеждой, жильем и инструментами, мы можем летать с огромной скоростью и узнавать о происходящем в других странах. У нас есть все необходимое. Но узнать — как устроена жизнь в других мирах — это новые знания и новые возможности. Ради этого мы готовы даже предоставить вам некоторые наши устройства. Без оплаты, в знак добрых намерений. Вот.

Сути протянул киммерийцу окружный предмет размером с кулак.

— Он тщательно очищен от возможности заражения, — сказал пришелец, — Если нажать выступ на устройстве, то можно будет говорить с нами, находясь на большом расстоянии от корабля. Если мы захотим что-то срочно сообщить тебе, то аппарат издаст громкий писк.

Конан с сомнением взял предмет и рассмотрел его. Он был легкий, но прочный. Рядом с выступом, на который надо было нажимать, имелось несколько рядов мелких отверстий.

— Одно устройство? — спросил король.

— Пока да. Потом мы сделаем для тебя еще несколько аппаратов.

— И тогда мои люди могут сообщать мне о происходящем в разных краях государства без ожидания, пока гонец доставит сообщение, — медленно проговорил Конан.

— Конечно.

— Это ценная вещь для армии.

— Армии? — смущаясь Сути. — Мы не хотели бы, чтобы наши устройства применялись для войны.

— У вас есть оружие? — как бы ненароком спросил Конан.

— У нас на корабле нет специальных боевых средств, — осторожно ответил Сути, — но некоторые наши устройства можно использовать как оружие.

— Понятно, — задумчиво проговорил король, — любой транспорт можно использовать для переброски войск, любой инструмент можно использовать как оружие...

— Но ведь это неправильно. Инструмент — это то, что позволяет создавать что-то новое. А любое, самое совершенное оружие, это всего лишь разновидность дубины. Мы можем, например, пришить отрезанную руку или ногу. Никакое оружие не заменит в этом

случае инструмент врача. И за все золото вашего мира ты не сделаешь этого. Так?

— Так, — согласился Конан. — Но отрезанная рука или нога может появиться только от удара человеческим инструментом. А если человеку оторвет руку какой-нибудь зверь, то пришивать будет уже нечего. И некому. Так что такое достижение не кажется мне столь уж полезным. Я себе представляю — как ваши лекари идут следом за войском и пришивают руки, ноги и головы, только что отрубленные в битве.

— Мы сделаем все возможное, чтобы вы могли жить без войн, торжественно произнес Сути.

— Каким же это образом? — насторожился Конан. — Если у людей идет борьба за то, чей род будет жить на спорной земле, то только сила дает ответ на этот вопрос.

— Мы создадим для вас более продуктивные виды растений. Земля сможет прокормить всех.

— А если кто-то не захочет менять свою жизнь по вашим советам?

— Мы никого не собираемся принуждать к чему-то. Мы надеемся, что наши знания смогут вам помочь, и ваши люди сами увидят, что им будет лучше.

— Не знаю, не знаю. Людей всегда интересует, чтобы лучше стало не кому-то вообще, а только себе лично. Они часто готовы причинить соседу немереный вред, лишь бы получить от этого ничтожную пользу для себя. Так что крайне рискованно пытаться сделать людям «как лучше». Для этого надо быть готовым беспощадно карать сопротивление. Это я на себе испытал. Ладно, я понимаю, что вы управляете силами, недоступными для нас, и сможете добиться своих целей через мое содействие. Вам доставят все, что вы попросите. Но я очень прошу вас быть осторожными и ничего не предпринимать без моего ведома. Чтобы не сделать чего-то, что недопустимо, а вы этого просто не знаете.

* * *

Переделав с утра множество неотложных дел, Конан вернулся в свои покой усталый и раздраженный. Он чувствовал, что попадает в какую-то безвыходную ситуацию — чем больше он отдает распоряжений, своей властью направляя подвластных ему людей на исполнение намеченных им целей, тем чаще обнаруживает, что без его приказов уже ничего не делается вообще. Но не может он держать в уме все повседневные нужды и распоряжаться каждым из слуг! Король раздраженно стукнул кулаком по столу. «Надо будет требовать, чтобы повседневные дела делались в обычном порядке, а приказывать только в случае необходимости», — подумал он.

Что делается против установившихся обычаев, то вязнет в пучине повседневных дел. Король может одним словом послать в поход многотысячное войско, казнить неугодных или устроить строительство грандиозных сооружений, но как только он пытается прекратить воровство и незаконные поборы, вымогаемые сборщиками налогов, так вся его власть становится бессильной, как клинок в трясине. Не за что ухватиться, некого покарать... То есть покарать-то можно, только каждый следующий чиновник немедленно начинает делать то же самое, за что был наказан его предшественник.

На столе пронзительно засвиристел аппарат связи, который Конан получил от пришельцев. Он схватил аппарат, нажал на выступ и раздраженно рявкнул:

— Я слушаю!

— Король Конан, — раздался из аппарата громкий отчетливый голос Сути. — Мы подвергаемся враждебному воздействию. Если это возможно, окажите нам помощь!

— Что случилось? — удивился киммериец.

— Ваш лагерь возле нашего корабля захвачен очень сильным магом. Он пытается получить контроль над нами. Мы просим о помощи!

— Вы не можете справиться с магией?

— Мы можем испепелить всю вашу страну со всеми ее магами! Но корабль при этом тоже погибнет. А менее мощные средства мы не рискуем применять. Маг уже отразил нашу попытку очистить пространство вокруг корабля и вывел из строя некоторые наши приборы. Остановите его, пока он не совершил непоправимого!

— Разве ваш корабль потерял способность летать? — спросил Конан.

— Он, похоже, увеличил сцепление корабля с землей. Мы не можем оторваться от ее поверхности.

— Влипли! — понял киммериец.

Он быстро пересек кабинет, резко распахнул дверь и распорядился:

— Коня мне! Сотню конной гвардии немедленно к выезду. Посыльного в храм Митры — пусть шлют за нами следом своих лучших магов.

Когда отряд во главе с королем подъехал к повороту от основной дороги на вырубки, их не встретил дозор, и Конан помрачнел. Или его люди, охраняющие лагерь, безобразно распустились и совершенно забросили службу, или его ждет ловушка. Он послал вперед дозорных и медленно последовал за ними. Наконец впереди показался лагерь. Несколько палаток, загон для лошадей, костер с висящим над огнем котлом и кашевар возле него. Лагерь как лагерь. Несколько воинов сидят на траве, перекрывая тропу.

Конан подозвал командира десятка дозорных и велел ему подъехать к этим разгильдяям и приказать им подойти к королю. Дозорные подъехали к лагерю, но после непродолжительных переговоров не только не вернулись к своему повелителю, но медленно спешились и отправились куда-то за палатки.

— Так... — прошипел киммериец, наливаясь гневом, — Это все-таки ловушка. Будь там что угодно иное, воины должны были бы вернуться и сообщить мне — что им там сказали.

Он обернулся и подозвал к себе сотника.

— Митран, среди твоих гвардейцев найдутся такие люди, которые могут не только в поле биться и дворцы охранять? Мне нужны лазутчики, чтобы скрытно подобрались к лагерю и кораблю пришельцев и обнаружили, где скрывается маг.

— Найдутся государь, — уверенно ответил сотник.

— Хорошо, пришли их ко мне, остальные пусть ждут здесь, но не теряют осторожности. К лагерю больше пусть никто не подъезжает. Если к ним кто-то выйдет, встречать двойным дозором, а при малейших подозрениях отступать. Похоже, что этот поганый маг околдовывает моих людей и чем больше воинов окажется в лагере, тем сложнее будет с ним справиться.

После полудня лазутчики стали возвращаться, но не все. Из восьми человек вернулось только пятеро. Остальные оказались недостаточно осторожны и безвольно ушли в лагерь, захваченный магом. Тот расположился возле корабля пришельцев и что-то там колдовал, а взятые под контроль аквилонцы были стянуты вокруг и прикрывали его от возможного нападения.

Звездный корабль пытался бить по окрестностям огненными лучами, выпускал малые

летающие аппараты, но магу удалось их приземлить, а огненные лучи бесполезно жгли склоны окрестных холмов. Вход в корабль был все же закрыт.

Из города подъехал еще один небольшой отряд воинов, сопровождавший жреца Митры и начальника стражи. Мольес тут же пожелал сообщить королю донесения своих агентов. Оказывается, шемитские торговцы ожидали прибытия в Аквилонию сильного огирского мага и связывали с этим какие-то неясные надежды на упрочение своего положения. Сообщения агентуры основывались на услышанных вскользь недомолвках и намеках, поэтому точных сведений не было, но Мольес утверждал, что это несомненный заговор против короля.

— Похоже, что этот маг отклонился от заданной цели, услышав про корабль пришельцев.

Тем временем жрец попытался своим магическим искусством уловить воздействия вражеского мага и заявил, что магия явно южная, очень мощная и агрессивная.

— Ты сможешь ее подавить? — спросил Конан, не желая вдаваться в совершенно ненужные ему подробности.

— Вряд ли, — смущаясь жрец, — В лучшем случае я смогу отвлечь этого мага, но он явно сильнее.

— Ладно. Хотя бы отвлечешь его внимание, когда мы пойдем в атаку. Хочу надеяться, что он не будет успевать околдовывать моих людей, когда они помчаться на всем скаку.

Где-то сбоку заверещал сигнал аппарата связи. Конан ругнулся, подошел к своей лошади и достал из седельной сумки аппарат.

— Сути вызывает короля Конана! — раздался голос пришельца.

— Я слышу тебя. Что случилось?

— Маг пытается прожечь корпус нашего корабля! Если его не удастся остановить, мы уничтожим корабль!

— Понял! Я начинаю атаку, попытайтесь чем-нибудь отвлечь мага!

Конан начал распоряжаться, и вскоре его гвардейцы двумя колоннами устремились в атаку. Сам король с двумя воинами поскакал стороной, чтобы обогнать лагерь и напасть на самого мага. Звездный корабль тем временем выпустил в воздух сразу несколько малых летательных аппаратов, которые попытались атаковать шатер мага, расположенный рядом с кораблем.

Конники ворвались в лагерь, сбивая с ног встречных, и стараясь оглушать их, а не убивать — ведь это были свои же люди, пусть и попавшие под воздействие вражеской магии. Лязг железа и конское ржание, топот копыт и воинственные крики, беспорядочное месиво людей и животных в облаке пыли, поднятой воздухом копытами несущихся лошадей.

Тем временем Конан подскакал к шатру возле корабля пришельцев и, спрыгнув с лошади, ворвался внутрь с мечом наготове. В мягком сумраке он увидел что-то вроде алтаря, освещенного тусклым пламенем светильника, большой медный кувшин, покрытый рядами магических символов, и фигура волшебника с грозно воздетыми руками. Король не стал дожидаться, пока маг закончит свое колдовство — меч темной молнией мелькнул в воздухе и раскроил врага напополам.

Клинок еще не закончил свое смертоносное движение, а киммериец уже понял, что его обманули. Меч шел не так, как должен идти сквозь человека. На пол упали деревяшки манекена, разрубленные мощным ударом короля, и перед Конаном появился сам маг с вытянутой вперед рукой, ладонь его была обращена к непрошенному гостю.

Король попытался рвануться вперед и достать клинком настоящего противника, но короткая вспышка белого огня расцвела перед взором киммерийца, и он почувствовал, что не может двинуться с места.

Маг тем временем повернулся и парализовал одного из спутников Конана, ворвавшегося в шатер следом за своим повелителем, отступил на шаг назад и проделал то же самое со вторым воином. Но этого момента Конану хватило, чтобы вскипевшая злость придала ему силы преодолеть колдовство. Ему казалось, что ноги его прибиты к полу, и он по-прежнему не мог сойти со своего места, но он сделал неимоверное усилие и нанес еще один удар мечом.

Маг стоял слишком далеко, и киммериец не пытался в этот раз достать мага. Он рубанул по кувшину на алтаре, и тот с глухим звуком расселся под острым клинком. Оттуда плеснуло нестерпимым жаром, и вокруг алтаря возник слабо светящийся шар с туманными краями и сетью злых молний в сердцевине. Маг издал вопль, полный отчаяния и ярости, выхватил из складок одежды какой-то талисман и обратился к огненному шару, явно пытаясь взять его под свой контроль.

Король на подгибающихся ногах отошел от алтаря в сторону и сбоку приблизился к магу, занеся меч для удара. Если тот сумеет обуздать своего огненного демона, то клинок киммерийца не даст ему воспользоваться этим успехом. Маг тяжело дышал и придушенно шептал свои заклинания, но Конан почувствовал, что он не может справиться с огненным демоном, освободившимся из-под власти заклинаний.

Тот не оставлял своих попыток, но стал покачиваться из стороны в сторону, дыхание его перешло в хрипение, от него пошел пар, и маг наконец не выдержал противодействовавшей ему силы. Издав громкий крик, он рухнул навзничь. А огненный шар удовлетворенно зашипел и двинулся к киммерийцу. Конан полоснул по нему клинком и, освобождаясь от магической немои, стал рубить снова и снова. Его волшебный противник не терпел явного урона, но все же старался уклоняться от ударов меча, а потом и вовсе устремился прочь и вылетел из шатра.

Конанглянул наружу и увидел, что еле видный на фоне неба шар медленно удаляется, направляясь на юг. Король вернулся в шатер и осмотрел мага. Он был мертв. Воины, сопровождавшие киммерийца, лежали без сознания, но дышали. Конан вынес их на свежий воздух и осмотрелся.

Звездный корабль вдруг ожила, раздвинул плиты корпуса и выдвинул площадку. Аппараты пришельцев, лежавшие возле шатра грудой неподвижного металла, один за другим стали подниматься в воздух и возвращаться внутрь корабля. Потом на площадку вышел Сути.

— Спасибо тебе, король Конан, — торжественно сказал он. — Ты смог предотвратить великую катастрофу. Не подозревай нас в захватнических планах, их нет! Когда-нибудь мы вернемся, и наш контакт окажется более плодотворным.

— Хорошо, — ответил Конан. — Только заранее знайте, что кроме новых знаний и нам и вам придется столкнуться с новыми проблемами. Вы поняли, как маг смог удерживать ваш корабль? Вы сможете справиться с этим в следующий раз?

— Нет, — огорченно признал Сути. — Мы обнаруживали воздействие мага на наши приборы и аппараты, но его источник нам непонятен.

— Тогда не преувеличивайте своих познаний о мире.

— Хорошо. Прощай, король Конан!

— Прощай.

Площадка с Сути ушла внутрь корабля, сомкнулись железные плиты и корпус стал вновь неотличим от монолитного. Воздух наполнился низким гулом, от которого у киммерийца заломило зубы, и он предпочел отойти подальше. А корабль мягко приподнялся над землей, дрогнул, как будто отряхивая прилипшую к обшивке почву, и быстро устремился в сторону солнца, которое начинало клониться к закату.

К королю подъехали сотник Митран и жрец Митры.

— Как у вас дела? — спросил Конан.

— В атаке половина наших воинов была выбита колдовскими вспышками, — ответил сотник.

— Но сейчас наваждение рассеялось, и люди приходят в себя. Пятеро убитых в стычке и восемнадцать достаточно тяжело раненых. И все наши воины обессилены, как после долгой битвы. Еле в седлах или на ногах держатся. Что это было, государь?

— Магия. Но сейчас маг мертв. А его демон удалился.

— Не очень далеко, — возразил жрец.

— Ты его можешь выследить? — повернулся к нему король.

— Могу. Я чувствую его. Он получил свободу от магических уз, но сейчас он слабеет. Я опасаюсь, что он угнездится в каком-нибудь укромном месте и будет караулить неосторожных людей, которыми сможет поддерживать свою силу.

— Едем за ним! — воскликнул Конан.

— В одиночку? — удивился жрец. — Твои люди действительно сейчас не способны куда-то ехать или сражаться. Они станут легкой добычей демона.

— Если он сбежал от меня, то я догоню и добью его, — вспылил киммериец.

— Твоя воля, государь, действительно способна сокрушить любого противника, — склонил голову жрец. — Едем. Я готов применить заклятие против демона — но, конечно, под твоим прикрытием. Один я против него не выстою.

Король и жрец поехали следом за удалившимся демоном. Ехать пришлось довольно медленно, потому что дороги через старую вырубку не было, и кони выбирали место, куда поставить ногу, на каждом шагу. Потом вырубка закончилась и пошли холмы, перелески, низины, заросшие кустарником. Конан заметил, что вдоль пути следования огненного шара трава и листья слегка отличаются по цвету от окружающей зелени — они были более бледными и желтоватыми, хотя и вовсе не выглядели опаленными огнем. Убедившись, что они находятся на верном пути, король поехал быстрее, его спутник с трудом поспевал за ним.

Наконец, уже в сумерках, они подъехали к высокому холму, заросшему густым колючим кустарником и покрытому россыпью огромных каменных глыб. След вел в заросли кустарника, но проехать здесь на лошади было невозможно, да и пешком пробираться весьма нелегко.

— Здесь он, — устало выдохнул жрец. — Точно. И место это не случайное. Похоже, что здесь когда-то очень давно было древнее святилище, не знаю уж какого бога.

Киммериец легко спрыгнул с лошади, беззвучно вынул свой меч из ножен, подошел к зарослям кустарника и остановился, пристально вглядываясь сквозь него. Жрец тоже спешился, но не последовал за королем, а остался на месте, тяжело опираясь на седло своей лошади. Он был бледен и расстроен.

— Здесь он, государь, — сказал жрец, показывая на заросли. — Но опасное это создание. Я чувствую, что у меня с трудом хватит сил защититься от него самому. Демон питается жизненной силой людей, и огирский маг, подчинивший его себе, мог с его

помощью подчинять себе чужое сознание. Так он смог заставить наших людей служить ему. А сейчас демон освободился от связывавшей его магии и может действовать самостоятельно.

— Оставайся здесь, — приказал Конан. — Я видел, как это создание старалось избежать ударов моего меча. Мне этого достаточно!

И он, раздвигая колючие ветки, двинулся вглубь кустарниковых зарослей. Когда он поднялся на вершину холма, уже почти совсем стемнело. Каменные глыбы лежали на вершине, образуя почти правильный круг, а в центре его, среди совсем уж непролазных зарослей, горел огненный шар. Конан вошел в каменный круг и остановился в некотором сомнении. Лезть в заросли, где не размахнешься мечом, где невозможно будет податься в сторону, зато легко запнуться и упасть, ему очень не хотелось. Вырубать весь этот кустарник — долго и нудно, противник легко может отступить, и как его тогда догонять?

— Король Конан Аквилонский, — раздался вдруг из кустов тихий, но вполне отчетливый голос. — Почему ты хочешь напасть на меня? Ты не сможешь причинить мне вреда, а я скоро все равно оставлю эту форму.

Голос звучал спокойно и уверенно. Он не запугивал и не подчинял, но убеждал, как обращение могучего — к равному.

— Признай лучше меня своим богом, — продолжал голос, — и я поддержу твои великие замыслы своим немалым могуществом.

— Мой бог — Кром! — гневно воскликнул Конан.

— Бог воинов? Но много ли помогал тебе он? А я дам тебе настоящую силу и власть. Стотысячные вражеские армии будут уничтожены твоими войсками с моей поддержкой. Никто не сможет противостоять твоей воле, и твои потомки будут тысячи лет править миром, прославляя твое имя!

И перед мысленным взором киммерийца возник образ Великой Аквилонии. С хорошими дорогами и прочными мостами, с мощным флотом и неприступными крепостями, с процветающими городами и обустроенными деревнями, с покорными соседями и поверженными в прах врагами. И он почувствовал, что это — правда, что его не обманывают пустыми обещаниями.

— Твои потомки будут избранным народом, а я буду твоим богом, — продолжал голос. — Единственным! Пусть не будет у тебя других богов передо мной! А сейчас отдань мне душу жреца чужого бога, который ждет тебя у подножия холма. Он защищен от меня, но ты можешь принести его мне в жертву. Сделай это!

— Жертву, значит? — голос короля зазвенел металлом. Наваждение пропало, и он четко осознавал, чего от него хотят. — Нет! Не дождешься ты от меня жертвы. За все в жизни приходится расплачиваться, а душа человеческая — слишком высокая плата за твои ничтожные обещания. Выходи и сразись со мной!

Киммериец шагнул назад, освобождая место для поединка.

— Ни к чему, — прошелестел голос. — Я не могу вернуться в небесные сферы и с трудом поддерживаю свою нынешнюю форму. Сейчас я покину твою страну, но когда-нибудь я найду такого человека, который признает меня богом. Я дам ему свою силу, а он даст мне свою веру. И его потомки, а не твои, будут править миром!

И светящийся шар истаял туманной дымкой, не оставив после себя даже следа. Конан был уверен, что он не улетел прочь, а именно растворился в воздухе. Киммериец с отвращением плонул и начал пробираться обратно.

— Государь? — тихонько спросил его жрец дрожащим от непереносимого страха

голосом, когда он спустился с холма и, хрустя ветками, выбрался на свободное место.

— Да! Что ты такой перепуганный? Все в порядке, демон исчез.

— Ты не поддался ему?

— Ха, да я и не с такими созданиями дело имел. Пусть радуется, что уцелел после встречи со мной. А если он когда-нибудь таки найдет себе почитателей, то и с ними в свое время разберемся! Тебе как, полегчало?

— Да, государь. Похоже, что демон действительно исчез, и его воля больше не давит на нас.

— Ну вот. Тогда давай укладываться спать, завтра нам предстоит долгий путь домой.

И король Конан Аквилонский с чувством сброшенной с плеч тяжкой ноши принялся готовиться к ночлегу.